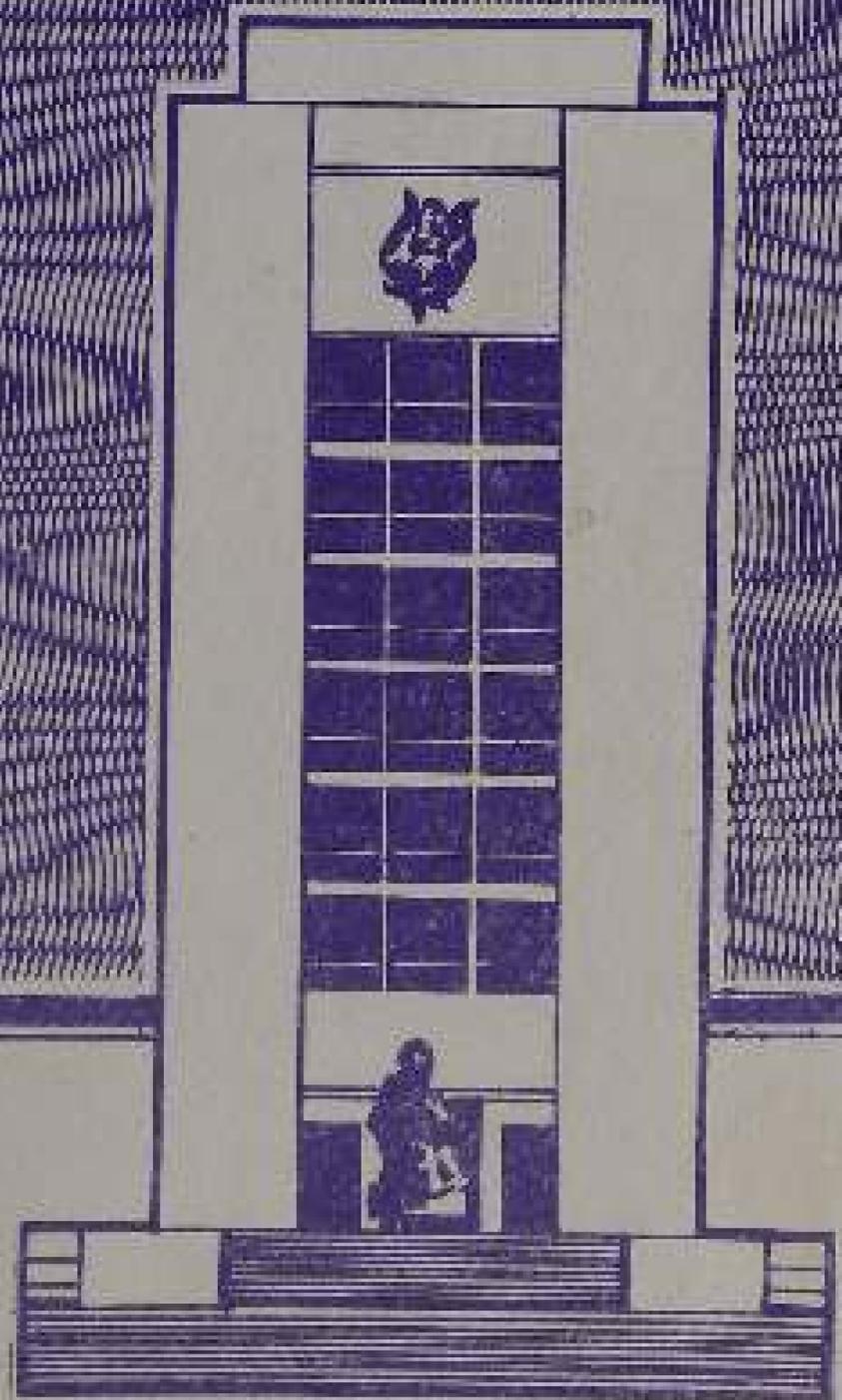

ISSN 0236—2910

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1
1994

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1994

1

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ Основан в январе 1990 г.
Учредитель Мордовский университет Выходит один раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ

Балашов В. А., Нишев К. Н. Многоуровневая система подготовки специалистов: время выбора 3

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Этносы и национальности

Вавилин В. Ф. Этническая экология расселения (Постановка проблемы) 9

Девяткина Т. П. Сравнительное изучение свадебных образов и песен субэтносов мордвы в восточнофинно-угорском контексте 12

Ефимова А. И. Национально-самосознание мордвы: факторы и тенденции (1920 — 1930 гг.) 19

Сысуев Д. А. И. А. Ильин о русском духовно-нравственном складе 24

Философия и история

Савкин И. С. Философия ненасилия 27

Доленко Д. В. Демократическое движение Мордовии: путь к власти 32

Лычев И. В. Основные структурные изменения в рабочем классе республик Среднего Поволжья в 70-е — 80-е годы 35

Экономика

Дюдюев Н. Ф. Потребительностоимостная интерпретация основных положений математической теории предельной полезности 38

Артемьева С. С. Процессы приватизации и акционирования в современных условиях (Зарубежный опыт) 43

Филология

Елизаров В. С. Соотношение переходности / непереходности в глаголах современного английского языка 45

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Медицина

Атасов Н. И. Активное хирургическое лечение тяжелых больных с глубокими ожогами кожных покровов 52

УЧЕБНЫЙ ОКРУГ: НОВАЦИИ И ТВОРЧЕСТВО

Смольянов А. В. История — учитель жизни 57

Мелькина Н. Н. Из опыта работы секции экономического образования 59

Голубянк М. М. Развивая творческое сотрудничество 60

ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Иванов А. Г. Рецензия на книгу Н. В. Заварюхина «Очерки по истории мордовского края периода феодализма» 62

Каверин А. В. Рецензия на книгу Н. Ф. Реймерса «Надежды на выживание человечества: концептуальная экология» 65

Сухоруков В. Д. Рецензия на учебное пособие М. М. Голубянка, Э. Л. Файбусовича, Н. Н. Лосиной, В. П. Ковшова «Введение в экономическую и социальную географию» и «Хрестоматию по курсу "Введение в экономическую и социальную географию"» 67

Главный редактор **Н. П. Макаркин**

Редакционная коллегия

Атасов Н. И., Балашиов В. А., Бусарова Р. Н. (ответственный секретарь), Вантюсов Ю. А., Воскресенский Е. В., Гридин А. Е., Доленко Д. В., Ивалев В. И., Кокорев В. А., Лапшин С. А., Макушкин В. М., Малый А. Ф., Мишанин Ю. А. (заместитель главного редактора), Мокшин Н. Ф., Наумченко И. Л., Нестеров С. А., Ревин В. В., Савкин Н. С., Селнев В. П., Сухарев А. И., Шичкин П. В., Цыганкин Д. В.

Адрес редакции: 430000, ул. Большевикская, 68.

Сдано в набор 21.02.94. Подписано в печать 22.03.94. Формат 70x100 1/16.

Бум. копировально-множительная. Печать офсетная.

Гарнитура Таймс. Усл. п. л. 5,48. Уч.-изд. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 5,8.

Тираж 1000 экз. Заказ № 241. Цена свободная.

Типография Издательства Мордовского университета.
430000, Саранск, ул. Советская, 24.

© Мордовский государственный университет, 1994

и научные исследования тесно связаны и взаимообусловлены. Последующей практической деятельностью личности при этом уделяется мало внимания. Российские университеты прошлого века также строились на основе этой модели: основная цель обучения студентов непосредственно не связывалась с их будущей практической деятельностью. В последнее время эта модель все больше приобретает прикладную направленность [2].

В американских университетах высшее образование строится на иных принципах. Подготовка специалистов осуществляется с учетом спроса на рынке интеллектуального труда. В этой связи многоуровневая система подготовки специалистов в университетах США весьма динамична и многовариантна.

Эти две модели университетского образования — европейского академизма и американского прагматизма — имеют свои сильные и слабые стороны и не могут механически, без соответствующей адаптации, переноситься в наши условия. Университеты России весьма различаются по роли в общественной и социально-экономической жизни общества, по учебно-научному потенциалу, объему НИР, материально-технической базе, численности и качеству профессорско-преподавательского состава. Крупнейшие университеты — Московский, Санкт-Петербургский, Новосибирский и др. — являются учебными и научными центрами международного уровня. Их статус определяет возможность выпускать преимущественно магистров, аспирантов, докторов наук. Таким образом в этих университетах приоритет может быть отдан модели европейского типа. В то же время деятельность многих университетов в России направлена на подготовку специалистов исходя из потребностей своего региона. При отказе от жесткого командного управления высшей школой университеты получают право готовить специалистов на основе индивидуальных планов и по индивидуальным программам. Они могут быстро реагировать на конъюнктуру

рынка, удовлетворять разнообразный и быстро меняющийся спрос на специалистов высокой квалификации в регионе. В таких университетах, на наш взгляд, целесообразно внедрять элементы многоуровневой англо-американской модели высшего образования с учетом позитивной базы отечественной системы высшего образования.

Прежде чем говорить о сущности многоуровневой системы подготовки специалистов и технологии перехода к ней, необходимо четко зафиксировать, что она не рассматривается в качестве альтернативной существующей (традиционной) российской системе высшего образования. Уже в первом постановлении Госкомвуза России, касающемся введения этой системы (№ 13 от 13.03.92), указывалось на то, что она вводится в дополнение к действующей. Такое дополнение, как следует из постановления, необходимо для:

1) обеспечения прав граждан РФ на выбор содержания и уровня своего образования;

2) создания условий для быстрого реагирования высшей школы на запросы общества в условиях рыночной экономики;

3) гуманизации образовательной системы.

Таким образом, многоуровневая система вводится в России прежде всего с целью диверсификации существующей системы образования. Другой целью является ее гуманизация. В результате кардинально изменяется характер взаимоотношений личности и институтов образования. Если в существующей системе институты образования определяют форму и содержание образования личности, то в многоуровневой структуре личность сама определяет свою образовательную траекторию, учебные же заведения лишь представляют ей разнообразные образовательные услуги. Концепция многоуровневого образования исходит из постулата, согласно которому необходимым условием нормального существования и развития общества является максимальное использование индивидуальных особенностей личности,

предоставление всем его членам равных возможностей развития [1]. Подробный анализ целей, содержания, а также перспектив введения многоуровневой системы сделан Ю. Г. Татуром [3].

Как уже отмечалось выше, первым нормативным документом, обосновывающим введение многоуровневой системы и имеющим рекомендательную силу, является постановление Комитета по высшему образованию России № 13 от 13.03.92 г. Одним из важных документов, регламентирующих многоуровневую структуру высшего образования, является Государственный образовательный стандарт (ГОС), проект которого разработан в соответствии со статьей 7 Закона РФ "Об образовании" и представлен в Правительство РФ. Стандарт устанавливает общие (федеральные) требования к основным образовательным программам высшего профессионального образования и условиям их реализации, к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по направлениям и специальностям высшего профессионального образования.

В соответствии с образовательным стандартом структура высшего образования представляется состоящей из образовательных программ (ОП) трех уровней:

1-й уровень обеспечивается программой, результатом освоения которой является получение частичного или неполного высшего образования. Нормативный срок обучения — не менее 2 лет. Освоение программы 1-го уровня подтверждается свидетельством об общенаучной подготовке с указанием области знаний, в которой она получена.

2-й уровень — это образование, осуществляемое по программам подготовки бакалавров или специалистов с высшим образованием (базовое высшее образование). Образование бакалавра в соответствии с проектом стандартов включает фундаментальную общенаучную (гуманитарную и естественнонаучную) и профессионально ориентиро-

ванную (специальную) подготовку по направлениям науки, техники и культуры. Нормативный срок обучения — не менее 4 лет. Высшее образование специалиста включает общенаучную (гуманитарную и естественнонаучную), а также профессиональную (квалификационную) подготовку. Нормативный срок обучения — не менее 4 лет. Результатом обучения по программе подготовки специалистов с высшим образованием является присвоение обучаемому квалификации в той или иной профессиональной области.

3-й уровень — это образование, обеспечивающее подготовку магистров или специалистов с углубленной общенаучной (базовой) подготовкой. Проектом стандарта устанавливается, что образование магистра включает фундаментальную общенаучную (гуманитарную и естественнонаучную), широкую общепрофессиональную, а также специализированную подготовку, ориентированную на научно-исследовательскую или научно-педагогическую деятельность выпускников. Нормативный срок обучения, необходимый для получения степени магистра, — не менее 6 лет. Академическая степень магистра удостоверяется дипломом с указанием научного направления и специализации научной подготовки.

Образование специалиста с углубленной общенаучной подготовкой (магистра по профессии) включает фундаментальную общенаучную (гуманитарную и естественнонаучную), общепрофессиональную, а также теоретическую и практическую профессиональную (квалификационную) подготовку по специальности и специализации, ориентированную на осуществление различных видов профессиональной деятельности. Нормативный срок обучения — не менее 5 лет. Квалификация — "специалист (учитель, инженер, врач ...) с углубленной общенаучной подготовкой"

Содержание базового высшего образования частично регламентируется федеральной компонентой Государст-

венного образовательного стандарта, составной частью которого являются структуры ОПБ базового высшего образования. Эти структуры определяют общую трудоемкость освоения программы студентом и обязательный перечень изучаемых дисциплин. Последовательность изучения дисциплин, разбивка учебных часов на аудиторные, отводимые для самостоятельной работы и другие отнесены к компетенции вуза. Вместе с тем структурами предписывается введение в программы наборов элективных дисциплин, или дисциплин по выбору студента, причем устанавливается, что не менее 20 % всей программы обучения он определяет самостоятельно (т. е. регламентируются академические свободы).

Структуры ОПБ базового высшего образования для всех направлений науки состоят из 4 блоков:

1) гуманитарные и социально-экономические дисциплины (ГЭС);

2) общие естественнонаучные дисциплины (ОЕН);

3) фундаментальные дисциплины по направлению (ФДН);

4) практики (П); факультатив (Ф).

В настоящее время разработаны требования к минимуму содержания базового высшего образования по блокам. Так, временные требования к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по циклу ГЭС были одобрены Всероссийским совещанием "Новая система гуманитарного образования высшей школы России", состоявшимся в июле 1993 г. в Москве. По решению Госкомвуза эти требования должны действовать до официального утверждения Правительством России Государственного образовательного стандарта. Государственные требования к минимуму естественнонаучного образования были одобрены участниками совещания "Естественнонаучное образование в России" (ноябрь 1992 г.) и также действуют до принятия ГОСа.

Одним из последних нормативных документов, поддерживающих многоуровневую систему, является Положе-

ние о магистерской подготовке (магистратуре), принятое Госкомвузом в августе 1993 года. В Положении указывается, что подготовка магистров ориентирована на их научно-исследовательскую и научно-педагогическую деятельность. Она открывается в вузах, располагающих высококвалифицированными кадрами и современной лабораторно-исследовательской базой. Лицензия на право подготовки магистров представляется Госкомвузом на основании заключения экспертной комиссии, создаваемой по заявлению учредителя вуза. К заявлению прилагается решение ученого Совета вуза с перечнем магистерских программ (и аннотаций к ним), а также заключение соответствующего УМО с характеристикой научно-исследовательской деятельности вуза по направлениям магистратуры.

В Положении отмечается, что права обучения в магистратуре обладают лица, успешно закончившие обучение по одной из ОПБ высшего образования и имеющие диплом о высшем образовании. Для лиц, не имеющих диплома бакалавра по соответствующему направлению магистратуры, устанавливается обязательный вступительный экзамен в объеме требований, предъявляемых стандартом к образованию бакалавра.

Магистерская профессионально-образовательная программа состоит из бакалаврской программы по соответствующему направлению и программы третьего уровня, которая должна иметь примерно равные по объему составляющие — образовательную и научно-исследовательскую. Содержание научно-исследовательской работы студента определяется индивидуальным планом. Нормативный срок обучения магистра по программе III уровня — 2 года. Поскольку обучение магистра предполагает его активную самостоятельную работу, максимальная аудиторная учебная нагрузка на студента не должна превышать 14 ч/нед. (в среднем за весь срок обучения).

Методические рекомендации по структуре и содержанию магистерских

программ разрабатываются соответствующими УМО.

Предварительная работа по методическому обеспечению перехода к многоуровневой системе проводится и в Мордовском университете. В рамках межвузовской программы "Университеты России" представителями 5 естественных факультетов разработаны проекты учебных планов подготовки бакалавров математики, физики, химии, биологии, географии. Проведен сравнительный анализ этих планов и действующих. Отмечено, что наличие в планах подготовки бакалавров значительного количества курсов по выбору открывает широкие возможности для дифференциации и индивидуализации обучения. Планы подготовки бакалавров предполагают обеспечение законченности образования на промежуточном (первом) уровне. Полученное в течение первых 2 лет неполное высшее образование является фундаментом для последующей квалификационной подготовки первого уровня. Статус младшего специалиста на рынке труда должен, по мнению разработчиков, определяться содержанием и сроками этой подготовки.

При разработке учебных планов учитывалось, что ОПП подготовки бакалавра науки формируют образовательный фундамент будущего специалиста. С этой целью в учебный план подготовки бакалавров включены курсы (в основном по выбору), обеспечивающие профессиональную ориентацию студентов на будущую специальность.

В рамках этой НИР разработана концепция программы профессиональной (квалификационной) подготовки учителей. Основным в этой концепции является представление о том, что программу подготовки бакалавров по соответствующему научному направлению нельзя рассматривать в отрыве от чисто профессиональной (квалификационной) подготовки. Общий срок подготовки учителя не может быть уменьшен и должен составлять 5 лет. Квалификационную подготовку учителя предполагается осуществлять в основном в течение 5-го года обучения. Раз-

работаны варианты учебных планов квалификационной подготовки учителей математики, физики, химии, биологии, географии. Дисциплины предлагаемых программ при этом условно делятся на два блока:

1) блок общих дисциплин квалификационной подготовки, которые являются обязательными и одинаковыми в программах подготовки учителей всех специальностей;

2) блок специальных дисциплин квалификационной подготовки, набор которых формируется с учетом особенностей данной специальности. Каждый блок содержит элективные дисциплины.

Учебные планы квалификационной подготовки составлены из расчета 36-часовой недельной аудиторной нагрузки студентов. Сравнительный анализ действующих программ профессиональной подготовки учителей естественных специальностей и предлагаемых в рамках многоуровневой структуры показывает, что в последних существенно увеличивается доля теоретической компоненты профессиональной педагогической подготовки.

Это прежде всего касается объема базовых дисциплин — психологии, педагогики, методики преподавания. В действующих учебных планах, как известно, основной акцент делается на практическую компоненту обучения за счет значительного объема педагогической практики. В новых планах предполагается, что пассивная часть педагогической практики будет совмещена с теоретической методической подготовкой будущих учителей. Для этого в рамках соответствующих дисциплин предусматривается выход студентов в школу с начала 5-го курса. Считается обязательным активное применение на занятиях со студентами деловых игр, микропреподавания и других методов, ориентированных на практическое изучение элементов деятельности учителя.

Учебные планы подготовки бакалавров наук и преподавателей со степенью бакалавра разрабатывались и на других педагогических факультетах.

Проведенный нами анализ показал,

что, несмотря на выполненную работу, большинство факультетов относится к идее перехода к многоуровневой системе весьма осторожно. Такое отношение во многом обусловлено объективными (внешними) причинами: не определен правовой статус бакалавра, до настоящего времени в стране не принят Закон о высшем образовании, Правительством РФ не утвержден образовательный стандарт (федеральный компонент) высшего образования. Вместе с тем существуют и сдерживающие факторы, образно говоря, "местного масштаба". К ним относятся и определенная инертность нашего мышления, и неготовность многих факультетов к реализации многовариантных образовательно-профессиональных программ подготовки специалистов, которые предполагают наличие значительного количества элективных курсов и их серьезное учебно-методическое обеспечение. Многие преподаватели не готовы к новым технологиям обучения и контроля, эффективным в условиях многоуровневой системы.

За переход на многоуровневую структуру подготовки специалистов с нового учебного года в настоящее время определенно высказывается лишь географический факультет, где имеется одобренный советом учебный план подготовки бакалавров географии, а также план подготовки учителей географии средней школы. При разработке этих планов авторы руководствовались решениями головного УМО по географии и нормативным документом Госкомвуза. В связи с появлением Положения о магистратуре на факультетах обсуждаются и перспективы подготовки магистров.

Некоторые идеи организации подготовки магистров в предварительном плане высказываются экономическим факультетом. Определенные практические наработки в этом направлении имеются на факультете подготовки, переподготовки и повышения квалификации организаторов народного образования. Здесь разработан

проект Положения о магистратуре и учебном плане подготовки магистров образования. В соответствии с этим планом магистратура образования предполагается готовить в течение 2 лет на базе высшего педагогического образования. При разработке учебного плана учитывался опыт подготовки магистров образования (менеджеров образования), осуществляемой на факультете повышения квалификации педагогических кадров в МПГУ. Поскольку необходимой компонентой ОПП подготовки магистров является научно-исследовательская работа, то эта часть ОПП могла бы быть реализована факультетами соответствующего профиля. Например, магистр образования с математическим базовым образованием свою научно-исследовательскую практику пройдет на математическом факультете.

В заключение отметим, что в соответствии с государственной политикой в области высшего образования многоуровневая система подготовки специалистов не навязывается вузам, а вводится с целью расширения их возможностей в новых социально-экономических условиях. В этой связи решение о переходе на многоуровневую структуру должно приниматься прежде всего самими факультетами, исходя из анализа существующего положения и перспектив их развития. Ректорат, ученый совет, научно-методический совет должны лишь осуществить экспертизу принятых факультетами решений в учебно-методических документах.

Вместе с тем совершенно очевидна необходимость дальнейшей работы на факультетах по подготовке методического обеспечения перехода к многоуровневой системе, тщательного анализа существующих учебных планов подготовки специалистов, их соответствия запросам общества в новых социально-экономических условиях, а также обсуждения модели специалистов, готовящихся в университете, на концептуальном уровне.

материалом, но в них обычно типология поселений и расселения не рассматривается.

Вклад географии в изучение систем расселения заключается в анализе особенностей расположения поселений на местности, классификации их функциональных типов и планировочных форм, типов производственного и внутрихозяйственного расселения, их внешних форм, "рисунка" расселения (В. И. Сухов, И. И. Сорочинская-Горюнова, Н. И. Ляликов, В. В. Покшишевский, В. Г. Давидович, В. С. Валов, С. А. Ковалев, П. Н. Першин, Б. С. Хорев и др.).

Расселение является объектом изучения и архитектуры. Изучая планировочную структуру, зонирование территории поселений, разрабатывая схемы районной планировки, архитекторы занимаются также изучением планировочных традиций в народном зодчестве (А. В. Иконников, И. В. Маковецкий, В. С. Рязанов, Г. А. Делеур, В. А. Богословский, К. И. Тихазе, С. Хан-Магомедов, Ю. С. Яралов и др.).

Демографическая статистика характеризует расселение с помощью методов массового статистического наблюдения. Она изучает состав, численность, структуру населения и т. п. Однако статистики занимаются в основном изучением и сопоставлением средних показателей по республикам, краям и областям, редко — по более мелким районам.

Таким образом, каждая из перечисленных наук подходит к изучению расселения лишь со своих позиций, порой односторонне, иногда в совершенном отрыве от этнодемографических и экологических характеристик.

Этнология отличается более широкой программой исследования расселения. Это и подробное исследование одного типичного поселения с характеристикой культуры и быта жителей, и специальные исследования системы расселения, структуры поселений, комплексов жилища различных этносов, и узкоспециализированные работы (Е. Э. Бломквист, Н. И. Лебе-

дева, Н. П. Милонов, Н. П. Макушин, М. В. Витов, В. А. Липинская, А. И. Робакидзе, Г. Е. Стельмах, О. Р. Будина, М. Г. Рабинович, О. А. Ганцкая, Г. Г. Громов, А. Г. Симонов, Ю. И. Зверева, В. П. Кобычев и др.). За рубежом вопросами изучения экологических свойств селитбы чаще всего занимаются историко- и эколого-географы (W. Webb, I. Burton, T. Jordan, T. Rowley, W. Mead).

Экологией расселения в настоящее время специально ни одна отечественная научная дисциплина не занимается. Этнологический подход к изучению культуры народов и систем их жизнеобеспечения, намеченный в концептуальных идеях С. А. Арутюнова [1, 2], Ю. В. Бромлея [3], А. Г. Ганжи [4, 5], В. И. Козлова [7, 8], И. И. Круняка [9], В. В. Степанова [10] показывает, что изучение системы расселения с позиций этнической экологии может служить для решения общественно полезных практических задач, поскольку цели таких исследований состоят в том, чтобы определить, какую часть традиционной системы жизнеобеспечения составляет та или иная система расселения, каков механизм ее формирования и развития, каковы, наконец, последствия ее функционирования для человека, этнокультурной общности в целом, а также для окружающей среды.

Такие насущные практические задачи, как установление оптимальных типов коллективных и фермерских хозяйств, наиболее рациональных форм городских и сельских поселений, этногеографических структур внутрихозяйственного расселения, требуют научного анализа большого фактического материала, характеризующего как городские, так и сельские системы расселения. Эмпирическим путем можно выявить немало частных явлений и тенденций, но этого явно недостаточно. Для того чтобы эмпирические данные могли стать надежными и полноценными источниками как для этнологических исследований, так и для прогнозирования и планирования, необхо-

димо изучить закономерности имманентной взаимообусловленности всей совокупности типологических признаков системы расселения, структуры поселений и комплексов жилища различных этносов, а также особенности их взаимосвязей с факторами социально-экономического, исторического, физико-географического и этноэкологического характера. Проблема, следовательно, состоит в том, чтобы понять, по каким принципам формируются системы жизнеобеспечения этносов, и прежде всего системы их расселения, и какова в этом роль этнокультурных традиций. В зависимости от того, насколько глубоко удастся изучить названную проблему, определяются возможности раскрытия сходств, различий, специфических особенностей в системах расселения различных народов и разработке научно обоснованных рекомендаций по их обновлению и модификации.

Выявление этноэкологических особенностей расселения в зависимости от региональных социально-экономических, исторических, физико-географических и других факторов требует использования таких методов анализа, которые позволили бы максимально (без существенных потерь информации) использовать исходный материал и объективно учесть весь комплекс данных. Для более глубокого и точного раскрытия сущности изучаемой проблемы, преодоления "описательного" уровня в этнологических исследованиях наиболее оптимальным является использование математических методов и средств современной информатики, позволяющих раскрыть количественную меру изучаемых явлений и процессов, дать более точное и строгое выражение соответствующих качеств.

В основе процесса внедрения математических методов в этнологию лежат внутренние тенденции ее развития, связанные, в частности, с необходимостью привлечения большого объема фактических данных, введения в научный оборот новых источников и повышения уровня их информативной отдачи. Эти задачи особенно актуальны

на современном этапе в связи с тем, что этнологи все более и более активно обращаются к источникам, характеризующим массовые явления, создают обширные базы и банки данных.

Эти источники по своей внутренней природе не только допускают, но и требуют математических и компьютерных методов обработки и анализа содержащихся в них данных. Собственно говоря, только на основе количественных методов возникает возможность обобщения массовых данных, изучения их с позиций системного подхода [6]. Наиболее подходящими в данном случае являются методы многомерного статистического анализа, включающие различные варианты кластер-анализа, методы распознавания образов, корреляционных плед, факторного анализа и др. Размеры статьи не позволяют остановиться на подробной характеристике этого анализа, поэтому ограничимся рассмотрением лишь его основных аспектов:

а) необходим сравнительный анализ одномерных статистических распределений признаков системы расселения, структуры поселений, комплексов жилища всех этносов региона;

б) количественной оценке подлежат взаимосвязи между величиной, плотностью, густотой, типами и формами поселений, количеством, плотностью, национальным составом населения и типами, формами, этногеографической структурой ареалов расселения и др.;

в) особому рассмотрению подлежат последовательный анализ взаимосвязей признаков поселений, типов и форм расселения с типами заселения, элементами хозяйства, природного окружения и т. п.;

г) необходимо выяснить, какие факторы являются детерминирующими в организации системы расселения, структуры поселений и комплексов жилища народов региона;

д) следует определить, какие этапы характерны для развития их традиционных форм, что в них общего и особенного для разных этнических культур.

Значимость этого анализа заключа-

развитие субэтносов мордвы. Такая ситуация, естественно, сказалась на эволюции их свадебных обрядов и песен.

Большая часть приведенных в данном исследовании описаний свадеб субэтносов мордвы собрана на территории современной Мордовии, часть зафиксирована в Самарской, Нижегородской, Тамбовской областях русскими учеными, собирателями фольклора А. С. Палласом [8], И. Г. Георги [2], А. А. Шахматовым [7], финским ученым Х. Пазсоненом [14], мордовским фольклористом М. Е. Евсеевым [3] и др. Анализируются собственные многолетние наблюдения и полевые изыскания в районах Мордовии (1980 — 1993 гг.) [12]. Привлекаются источники по коми [9], марийцам [5], удмуртам [13], карелам [11].

Новые полевые изыскания позволяют заключить, что, несмотря на обилие свадебных материалов, накопленных за полтора столетия, они страдают неполнотой, прежде всего в освещении некоторых обрядов, что делает их трудно сопоставимыми. Следует отметить, что в публикациях по свадебным обрядам и песням субэтносов мордвы многие собиратели не различали этническую принадлежность мокши и эрзи, что также создает трудности при выявлении сходства, вариантов обрядов и песен. Кроме того, некоторые тексты в публикациях даются в искаженном виде, что можно объяснить незнанием языка оригинала.

Имеющиеся материалы неравномерно представляют локальные варианты свадеб мокши, эрзи, удмуртов, карелов и других народов, а фольклор этнографических групп мордвы-шокша, каратаев фиксировался еще меньше.

Установлено, что соблюдение свадебных обрядов и исполнение песен зависело прежде всего от форм заключения браков, которые у всех иссле-

дуемых народов в основном были схожи: по сватовству и умыканием — уводом (чаще всего по договоренности и реже — насильственно). У мокши и эрзи были известны браки самокруткой (уход невесты к жениху). Браки умыканием у субэтносов мордвы, коми, удмуртов, карелов были явлением редким. Ф. В. Плесовский отмечал, что у коми браков умыканием как универсальной формы никогда не существовало [9, с. 151].

Имеются некоторые различия во времени похищения невесты: у мокши и эрзи это происходило в полночь, у коми — вечером, у удмуртов Башкирии — после полуночи, причем этот обряд у последних бытует до сих пор и совершается, как правило, в "благоприятные" дни (все, кроме вторника, среды и субботы) [13, с. 86]. Несмотря на брак уводом, выполнение всех остальных свадебных обрядов считалось обязательным. Мокша и эрзя иногда практически разорялись, чтобы сыграть свадьбу, т. е. это событие считалось в какой-то степени священным действием, данью не только миру, но и умершим предкам. Последнее ярко отражено в содержании песен, причетов свадебного обряда мокши и эрзи.

Основной формой заключения брака субэтносов мордвы (начиная со второй половины XVIII в.), коми, карелов (с конца XIX в.) являлся брак по сватовству. Без сватовства свадьбы проводились редко, обычно в бедных семьях и у сирот.

В проведении традиционных свадебных обрядов со сватовством у изучаемых нами народов выделяются три основных периода: предсвадебный, свадебный, послесвадебный. Структура свадебных обрядов субэтносов мордвы со второй половины XVIII в. и примерно до 60-х гг. XX столетия представляется следующим образом.

ПРЕДСВАДЕБНЫЙ ПЕРИОД

Предварительное сватовство

Ингольдень якамась

Покш кудань якамо

Сватовство

Ладямась

Ладямо

Смотрины хозяйства родителей жениха

Вастонь варжамась

Женихень кудонь ваномо

Вечерние причитания

Илядень аварьфнемат

Чокшне лангонь урьнемат

Приготовление подарков

Казнень анокламась

Казнень анкстомо

Назначение дня свадьбы

Свадйбань ши ладямась

Чинь путома

Печенье пирогов

* _____

Прякань панима

День каши

* _____

Кашадо ярцамо чи

Девичья салма

*** _____

Тейтерень салмат

Девичья баня

Стирень банясь

Тейтерькс чинь баня

Расплетание косы

** _____

Пулонь калавтума

Оставление подруги на месте девичества

*** _____

Тейтерькс чинь таркас
ялгань озавтума

Заплетание косы

** _____

Пулонь кодамо

Укладка короба (сундука)

Парень вачкамась

Парень вачкамо

СВАДЕБНЫЙ ПЕРИОД

* — не характерно для всех мокш. ** — различна по времени проведения, *** — не бывает.

Приглашение на свадьбу
Свадьба тердемась Кудань пурнамо
Печенье хлебов и пирогов
Копшань и пряжань пидемась ** _____

Приезд поезжан за невестой
** _____ Кудань валгума

Увод невесты к соседям Уход невесты в дом дяди
Рьянянь вятмац шабрань пали Ладянь патянь урвалянь кудос
туема

Разделение косы невесты
Стирснь касань явфтомась ** _____

Возвращение невесты в дом родителей
Куду мрлафтомась Ладянь патянь
тстензэ кудос мурдамо

Приезд за невестой
Рьянянкса самась ** _____

Благословление невесты
Рьянянь бславамась Баславамо
Венчанье Венчание Венчама

Привоз невестки в дом жениха
Рьянянь ускомась Урвань ускома

Свадьба в доме жениха
Свадьбань пирсць Свадьба цера кудосо

Укладывание молодых
Удома сувафтомась Одирвань-содамонь утомс каямо

Разбуждение невестки
Рьянянь стяфтомась * _____

Приезд горных
Арьксиень самась Горноснь само

Вывод молодых из амбара
** _____ Одирвань-содамонь утомсто
таргамо

Наречение невестки
Лемдемась * _____

Вывод невестки к колодезю (на чистое место)
Эши лайгс лихтемась Одирвань ванькс таркас ливтема

Проводы горных

Стол для горных

Арьхциснь прважамась

Горноень стол

ПОСЛЕСВАДЕБНЫЙ ПЕРИОД

Отгостки

Мекн потафтомась

Мекев потавтомо

Приглашение невестки по родне жениха

Од рьянянь тердемась

Выливание дрожжей

Органь сявордома

Баня молодой

Од рьянянь банясь

Одирьянь банясь

Материалы показывают, что основные обряды мокшанского свадебного действия имеют сходство с эрзянским. Различия зафиксированы во времени проведения некоторых обрядов, в языке (в наименовании обрядов), свадебном фольклоре, бытовании локальных вариантов, в большей или меньшей степени различающихся между собой. Обилие локальных вариантов характерно также для других исследуемых народов. В частности, Ф. В. Плесовский отмечает их бытование у коми и делает вывод, что единой свадьбы у них не существует [9, с. 4].

Импровизационный характер свадебных представлений приводил к тому, что у карелов, по мнению Ю. Ю. Суржаско, не бывало одинаковых свадеб даже в пределах одной деревни [11, с. 209].

У субэтносов мордвы также почти в каждом селе бытовали свои устоявшиеся обряды, обычаи, специфический репертуар песен. Группируя близкие локальные варианты и развивая точку зрения К. Т. Самородова [10, с. 105], в пределах современной Мордовии мы выделяем 5 основных региональных типов (кустов) мокшанской свадьбы конца XIX — начала XX в. Это Ковылкинский, Zubovo-Полянский, Атюрьевский, Инсарский и Рузаевский районы, характеризующиеся своим диалек-

том, условиями жизни, исторически сложившимися особенностями, которые отразились в свадебном обряде и песнях.

Своеобразная интерпретация мокшанских и эрзянских свадебных обрядов могла возникнуть и в результате постепенного исчезновения некоторых общих обрядов. К примеру, обряд мекн потафтомась, м., мекев потавтомо, э., — отгостки — соблюдался не у всей мордвы-эрзи, а у мокши бытует и поныне. Другой обряд — лемдемась — наречение невестки у эрзи был нежит в основном в 80-х гг. XIX в. Обряд кашада ярхцама — утощение кашей у мокши справлялся редко (в Старошайговском районе) и такой роли, как у эрзи, не играл. В отличие от мокши у эрзи большое значение придавалось пряхань панема — печению пирогов, совершаемому перед свадьбой в доме жениха: пекли по 5 — 9, а иногда по 40 пирогов, причем каждый из них имел свое название и назначение.

Локальные варианты характерны и для шокшанской свадьбы.

Обилие эрзянских и мокшанских свадеб М. Е. Евсевьев считал результатом дробления праритуала и утверждал, что их особенности взаимно дополняют и поясняют друг друга и таким образом дают возможность восстановить полную картину былой мордов-

ской свадьбы. Анализ имеющихся материалов показывает, что причины возникновения многочисленных вариантов, как, к примеру, в карельской свадьбе [11, с. 211], гораздо сложнее и связаны прежде всего с конкретными условиями жизни данной этнической общности.

В целом у исследуемых восточных финно-угров, карелов, русских в структуре свадебного действия имеются общие обряды: сватовство (у удмуртов Башкирии — умыканье), стговор, укладка сундука невесты, выкупы (ворот, стола, невесты и т. д.), венчание, благословление молодых родителями, обряды при встрече молодых (обсыпание хмелем, пухом, зерном и т. д.), встреча молодых с хлебом-солью, укладывание новобрачных, послесвадебные отгостки, баня (отличие лишь во времени проведения). При сопоставлении свадеб субэтносов мордвы с описаниями свадеб других восточных финно-угров наиболее близкими им оказались коми и карельская свадьбы. Кроме того, очень много общего в обрядах субэтносов мордвы и русского народа. По нашему предварительному заключению, марийская свадьба больше тяготеет к удмуртской.

Определенные различия имеются в свадебных персонажах субэтносов мордвы, играющих конкретную роль в действе. Исследование показывает, что для восточных финно-угров, карелов, русских общими свадебными персонажами являются жених, невеста, дружка, главный сват, главная сваха, поезжане, горные, "медведь". У марийцев в свадьбе также обязательны свадебная голова (суян вуй), поддружье (изы арбигне), пузырьник — музыкант (шяберзя); барабанщик (тумерзя); у коми — ягненок (баля) — носит солоницу за дружкой; сторож (выдзись) — главный руководитель свадебных церемоний; у карелов — первый сват (патьякша) — знаток и участник свадебных церемоний, причетов, песен.

Для свадеб мокши и эрзи, особенно первых, характерно огромное количество песен. Большинство из них исполнялись во время сватовства, при-

езда поезжан за невестой, на свадебном пиру. У других исследуемых этносов, в частности коми, по мнению Ф. В. Плесовского, нет оригинальных свадебных песен. Оказавшись в соседстве с русскими — выходцами из Великого Новгорода, коми не создавали свадебных песен на своем языке, за исключением величальных, ограничившись заимствованием некоторых русских песен, которые были наиболее распространены [9, с. 113]. Подобную ситуацию в карельской свадьбе отмечает Ю. Ю. Сурхаско. У большей части карельского населения на протяжении всей свадьбы обычно исполняются песни более позднего происхождения, в основном заимствованные у русских [11, с. 133]. Для марийцев и удмуртов характерно бытование национальных песен свадебного обряда.

У мокши и эрзи песнопения в основном начинались на предварительном сватовстве, у удмуртов Башкирии — во время стговора (зырдон кельмош), у карелов — после рукобитья (со специальной песней "Летел орел с севера-востока").

По роли и связи с обрядом у восточных финно-угров и русских песни делятся на обрядовые и необрядовые. Среди обрядовых песен мордвы-эрзи выделяются те же жанры, что и у мокши: собственно обрядовые (термин автора), пазморот, м., э. (песни мольбы); паранзамат, м., тейтерень и свахань морот, э. (песни величания, благодарности, благопожелания); свадьбань кштира морот, м., свадьбань киштема морот, э. (традиционные свадебные плясовые песни); паряфнемат, м., парявтнемат, э. (корильные песни). Необрядовые песни состоят из кувака, м., э. (долгие, протяжные) и сиде, м., э. (частые). В эрзянских свадебных обрядах М. Е. Евсеев упоминает гостевые песни, относящиеся по содержанию к необрядовым. Однако другими исследователями эти песни не зафиксированы. У мокши они не бытуют вообще. Вполне возможно, что М. Е. Евсеевым представлен локально ограниченный материал.

В удмуртском фольклоре так назы-

заемный гостевой цикл выделяется особо. Эти песни, предназначенные специально для гостей, называются куно гур (гостевой напев), куно гумитан гур (напев встречи) или куно сектан гур (напев угощения гостей). Они могут быть обрядовыми и необрядовыми, т. е. связанными с любым календарным или семейно-бытовым (в том числе свадебным) обрядом.

В целом обрядовые песни основываются прежде всего на принципе взаимосвязи напева, текста и функции. И. И. Земцовский называет их песнями "внутреннемобийной структуры", с более или менее эквивалентными составляющими, изначально динамичными, "источными", т. е. точность которых относительна, и относит их исключительно к устной традиции [4, с. 19].

Судя по имеющимся материалам, многие выделенные нами жанры обрядовых песен характерны и для других восточных финно-угров, в частности песни величания, корення, собственно обрядовые. У марийцев корення названы шуточными песнями, кроме того, у них выделены и свадебные лирические песни [5, с. 55]. Жанровый состав удмуртских и коми песен свадебного обряда выявлен еще недостаточно полно [1, с. 58]. Песни пазморот, аналогичные русским свадебным заклинаниям, у других восточных финно-угров исследователями не зафиксированы.

Традиционная мокшанская свадьба отличается от эрзянской большим бытованием песен паряфнемат. Эту специфику К. Т. Самородов объясняет тем, что у мокши патриархальные порядки соблюдались значительно слабее, и ссылается на материалы В. Н. Майнова, где отмечено, что у эрзян при женитьбе и выдаче замуж не интересовались желанием детей, а у мокшан это делали только с их согласия. Однако имеющиеся материалы и наши полевые исследования свидетельствуют об обратном. На наш взгляд, преобладание у мокши этого жанра связано, с одной стороны, с более развитым чувством самокритичности, с другой — мокша более подверглась

монголо-татарскому влиянию и, возможно, поэтому имела больше причин для самосохранения, оберега, что впоследствии отразилось в свадебной поэзии. Кроме того, свадебный материал, особенно свадебные приметы, показывает, что мокша более склонна к суевериям. В частности, считалось, чем больше укорялась невеста, сваты, тем меньше была возможность их сглазить. Полевой материал позволяет констатировать отсутствие песен-кореней на свадьбе этнографической группы мордвы-шокши.

В степени бытования обрядовых и необрядовых песен имеется заметное различие, что является одной из специфических особенностей субэтносов мордвы и этнографической группы мордвы-шокши. Для эрзянских и шокшанских свадеб больше характерно исполнение песен-величаний, у мокши наряду с паряфнемат преобладали песни благопожелания и благодарности, а также необрядовые песни, в основном лирического характера. Безусловно, имеющиеся расхождения в свадебных обрядах и песнях субэтносов мордвы возникли в позднейший период исторического развития, в первоначальном варианте они, несомненно, не различались, а были общими для всех племенных групп мордвы. Многие моменты свадебного обряда пронизаны культом предков вплоть до наших дней. В них сохранились элементы дохристианской религии, в частности в текстах пазморот, собственно обрядовых песен.

Анализ материалов свидетельствует, что эрзянская свадьба значительно подверглась влиянию русской, что отчасти можно объяснить более близким общением этих народов. Однако было бы неправомерно заключить, что результатом общности основной структуры свадебных обрядов исследуемых народов явилось влияние русских обрядов, на что указывали некоторые исследователи [9, с. 101]. Многие обрядовые действия, а также некоторые их термины подтверждают, что они бытовали еще в те времена, когда не существовало тесной взаимосвязи с русскими, а в обрядах восточных финно-

угров сохранились пережитки более древних форм брака. У всех их представителей, кроме субэтносов мордвы, сохранился свой термин, обозначающий свадьбу: у марийцев — суан, удмуртов — сюан, коми — колысь.

Основные свадебные обряды мокши и эрзи характеризуются теми же общими закономерными процессами, которые были присущи восточным финно-уграм. У всех народов песни помогали усвоить и запомнить последовательность обрядов, передавали гласности ход свадьбы от этапа к этапу. У коми, эрзи преобладали причеты.

Исследование материалов позволяет

заключить, что структура обрядов, песни мокши и эрзи сохраняют ряд особенностей не только по причине более изолированного от других восточных финно-угров развития, но и в результате генетически сложившегося самосознания, передающего традиции от поколения к поколению. Последняя причина, на наш взгляд, является основной в сохранении национальной специфики всех народов. В целом, несмотря на немалую общность свадебных обрядов и песен мокши и эрзи, тенденция к их сближению не обнаруживается. Выявленные соответствия — результат финно-угорской общности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Войкова Е. Б. О классификации жанров южноудмуртского музыкального фольклора // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Устинов, 1986. С. 50 — 65.
2. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. 178 с.
3. Евсеев М. Е. Мордовская свадьба. М.: ЦентрИздат, 1931. 192 с.
4. Земцовский И. И. Песня как исторический феномен // Народная песня: Проблемы изучения. Л., 1983.
5. Иванов И. С. Политические особенности марийских свадебных песен // Вопросы марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1980. С. 51 — 59.
6. Козлов В. И. Расселение мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1966. С. 5 — 62.
7. Мордовский этнографический сборник /

- Сост.: А. А. Шахматов. СПб., 1910. 248 с.
8. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768 — 1769 гг. СПб., 1773. Ч. 1. 773 с.
9. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Санкт-Петербург: Коми кн. изд-во, 1969. 520 с.
10. Самародов К. Т. Мордовская образная поэзия. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1980. 167 с.
11. Сурдаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л.: Наука, 1977. 273 с.
12. Фонотека отдела литературы и фольклора ИИЯЛИЭ при Правительстве — Совмине Республики Мордовия.
13. Христолюбова Л. С., Мининакметова Т. Г., Тимирязнова Р. Г. Свадебные обряды удмуртов Башкирии // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск, 1989. С. 85 — 119.
14. Raasonen H. Mordwinische Volkedichtung. Helsinki, 1939. В. 2. 574 S.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ МОРДВЫ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ (1920 — 1930 гг.)

А. И. ЕФИМОВА, аспирант

Одним из важнейших проявлений национального самосознания является рост политической активности народа, желание самому участвовать в национальном строительстве, решать свои насущные проблемы. Это проявляется в отношении населения к государственной власти, правящей партии, расширении политического кругозора, ак-

тивном участии в выборах и работе местных органов управления.

Процесс политической активизации мордовского народа протекал не однозначно. На нем сказались и укоренившееся недоверие к государственным органам, и отсутствие опыта участия в управлении, кроме того, формализм вышестоящих организаций подавлял

активность местных органов управления, препятствуя проявлению творческой инициативы и пытаясь загнать все в установившиеся рамки, без учета специфики развития и особенностей жизни. Судя по архивным данным, местные органы управления — сельские Советы не имели должного авторитета у населения в силу того, что у них «стишком мало прав для разрешения даже насущных вопросов, а имеющиеся права ими в полной мере не используются» [5, л. 177, 188, 143].

Отношение населения к выборам в органы местного самоуправления часто носило формальный характер. Многие отказывались от работы в них, мотивируя это тем, что это будет в ущерб личному хозяйству [5, л. 55].

Нельзя сказать, что вообще отсутствовала заинтересованность населения в работе сельских Советов, у крестьян было желание участвовать в принятии решений, но вышестоящие органы власти имели другое мнение на этот счет. Вот что говорится в отчетах обследования губернскими и уездными работниками исполкомов сельских советов и учреждений Саранского уезда: «Все дела решает общее собрание, сельские Советы ничего из себя не представляют, ввиду того, что... царит матушка-старина. Граждане никак не хотят понять, что по законам Советской власти общим собранием должны руководить сельские Советы, а они предлагают наоборот... Ревизионная комиссия произвела ревизию. Зачитывает на общем собрании акт ревизии. Общее собрание выносит постановление — работу сельского Совета признать слабой, т. к. ревкомиссия делала ревизию одна, а граждане требовали это сделать на общем собрании, зачитывая каждую статью прихода и расхода, где бы их обсуждали сами граждане: принять эту статью или нет» [5, л. 187 — 188]. Этот документ свидетельствует о том, что народ сам хотел решать вопросы, связанные с его насущными проблемами, принимать активное участие в выработке решений, а не выслушивать уже готовые постановления и приказы. Сельские Советы

не в должной мере выражали интересы населения. Стремление любой ценой выполнить распоряжение «сверху», не учитывая возможностей и конкретных обстоятельств, привело к тому, что местные органы самоуправления стали выразителями воли не народа, а партаппарата, бюрократии, подавляли активность населения и его заинтересованность в приобретении опыта общественно-политической работы.

Большой ошибкой Советской власти было игнорирование традиционных форм местного самоуправления — общинных сходов, которые являлись одним из наиболее устойчивых институтов. Ведь стабильное и поступательное развитие общества достигается не только тотальным сломом старого, но и реформированием, адаптацией идей и институтов прошлого к современности. Традиция и новаторство должны сопутствовать друг другу.

Устойчивость общинных отношений состояла в том, что они своими корнями уходили в глубокую древность — к родоплеменным отношениям и имели многофункциональный характер, охватывали все сферы жизни мордовского народа: распределение и передел земельных наделов, вопросы строительства дорог, мостов, мельниц и т. п. Осуществлялось своеобразное страхование от несчастных случаев — недородов, пожаров (создавались общественные фонды зерна, из них же выделялись средства на воспитание сирот, которых почти никогда не отдавали в приюты), широко была распространена безвозмездная взаимопомощь (*лездама* — мохш., *лездама* — эрз.) членам общины [1, с. 64 — 65].

Царские власти допускали общинные сходы к решению части фискальных дел: налогообложение домохозяев, перераспределение наделов, наказание нерадивых крестьян, малоэффективно обрабатывающих землю [1, с. 61 — 63]. Община была заинтересована в том, чтобы ее члены не разорялись, так как в этом случае недоимки распространялись и на обеспеченных крестьян. Общинники старались не прибегать к помощи властей и при нака-

зании нарушителей общественного порядка. Вообще, как отмечалось многими исследователями-этнографами, в мордовских поселениях практически не наблюдалось разбоев и воровства. По сведениям Казанского губернского статистического комитета за 1867 г. отмечено, что "в том году на 18 381 душу мордвы обоего пола совершено всего два преступления... Если бы это число и увеличилось в 10 раз, то оно и тогда представляло бы разительный пример добронравия, сравнительно со всеми другими примерами губернии" [4, с. 219 — 220]. Общинные власти сами разбирали нарушения норм повседневной жизни крестьян. Виды наказания были различны, в зависимости от степени виновности [1, с. 63], но всеобщее презрение было тягостнее любого административного наказания.

Обыденное сознание подсказывало, что сохранение традиций является мощным идеологическим фактором для консолидации и единения народа в борьбе за выживание. Община в своей деятельности опиралась на вековые обычаи, религиозные каноны и т. п., которые способствовали воспитанию не только отдельной личности, но и народности в целом, вынужденной приспособляться к условиям "неродной" власти, подвергающей ее различным формам угнетения: политической, национальной, экономической. И в этой обстановке народ стремился сохранить собственные органы самоуправления, хотя и с усеченными правами, но в какой-то степени способные удовлетворить его интересы и учитывающие национальные особенности и традиции. Это подтверждает тот факт, что во время проведения столыпинской аграрной реформы лишь незначительное число крестьян — около 15 % — вышло из общины (данные по территории современной Мордовии). К сожалению, нет сведений о том, сколько процентов из них составляли мордовские хозяйства. Но, как сообщал начальник Пензенского губернского жандармского управления в департамент полиции, мордовские крестьяне враждебно относи-

лись к выделяющимся на отрубные участки [2, с. 256].

При реорганизации органов управления Советской властью и проведении национальной политики необходимо было учитывать этот фактор, что способствовало бы активной деятельности сельских Советов, повысило бы доверие населения к ним, а также обеспечило бы непосредственное участие населения в органах местного самоуправления. Слабость Советов, не имевших вплоть до середины 20-х гг. ни своего бюджета [1, с. 195], ни реальной власти на местах, подтверждается тем, что крестьяне признавали прежде всего общинные сходы, которые в отличие от Советов осуществляли руководство жизнью сельского общества, учитывая все национальные особенности народа. Об этом свидетельствует и относительно низкий уровень посещаемости собраний, проводимых сельскими Советами: по Саранскому уезду за 1926 г. — 39,4 % мордвы, а за 1927 г. — 47,3 % [6, оп. 1, д. 131, л. 49].

Советские органы некоторое время использовали общинные сходы не только для решения экономических вопросов, но и в политической пропаганде. Но когда началась коллективизация с применением насильственных методов и террора, мирное сосуществование с общиной прекратилось. Крестьян фактически затопили в коллективные хозяйства, а тем, кто оттягивал свое вступление в них, создавались такие условия, что они были вынуждены идти в колхозы, чтобы выжить.

Грубые административные методы нажима и угроз приводили к боязни открыто высказывать свое мнение и протест, отнюдь не способствовали повышению политической активности мордовского народа, росту его национального самосознания, так как игнорирование мнения мордовского населения по затрагивающим непосредственно его вопросам и формам проведения правительственных мероприятий вызывало чувство ущемленности мордвы высшестоящими русскими органами управления. Часто представители власти разъясняли свою политику методом

запугивания. Вот что гласит документ: "При коллективизации против возражающих обычно принимались такие угрозы: "Ты, значит, против колхоза, тебе захотелось в Соловки, как твоя фамилия"? Конечно, мужик прятался и фамилию не говорил и больше предпочитал молчать" [6, оп. 3, д. 123, л. 1 об.].

Особо сильное недовольство вызывало раскулачивание, которому подвергались не только зажиточные крестьяне, но и не уплатившие различные налоги. Вот как это происходило в Ачадовском (ныне Зубово-Полянском) районе: "Раскулачивание, как правило, происходило под видом уплаты задатков на трактора, есть случаи, что некоторые хозяева сумели найти требуемую с них сумму на трактора, то оставались нераскулаченными. Срок уплаты давали 1 — 2 часа. По истечении этого срока имущество конфисковывалось. Всего по району было раскулачено до 900 хозяйств, или 2,1 % к общему числу хозяйств района. Районные руководители считали, что они директиву области не выполнили потому, что якобы установка была до 3 %" [8, д. 123, л. 1].

Таким образом доказывалась преданность власти, которая при этом выполняла две задачи: проводила борьбу с "классовыми врагами" и набирала средства на колхозное строительство. Причем местное начальство также имело от этого выгоду, так как имущество раскулаченных поступало в их распоряжение: "Когда тому или другому хозяйству была предъявлена конфискация имущества, то предлагалось взять с собой, что могут донести... Из конфискованных съестных припасов: мясо, пшено, очень многие партийные работники предпочитали изжарить сельянку, в отдельных случаях взять с собой. Конфискованные вещи, скот продавались с торгов, причем по заниженным ценам. И этим пользовались партийные, районные работники, которые скупали вещи раскулаченных" [8, д. 123, л. 1].

Создававшиеся колхозы не имели производственно-хозяйственного пла-

на, труд и его оплата не были организованы, материальные ценности не учитывались.

Стремление сделать хозяйство рентабельным, приносящим прибыль рассматривалось лишь как жажда наживы, не принималось во внимание вековое стремление крестьян так организовать его, чтобы оно не только являлось средством получения необходимых для жизни продуктов, но и способствовало дальнейшему совершенствованию способов обработки земли, улучшению посевных культур, применению новой техники и т. п. Попытки уравнивать всех, сделать всех одинаково бедными подрывали стимулы крестьян трудиться на земле своих предков. И это один из факторов процесса "раскрестьянивания", который привел к тому, что мощная аграрная держава превратилась в импортера сельскохозяйственной продукции. Именно в это время проявилась тенденция к уничтожению крестьянских традиций и уклада.

В результате коллективизации и раскулачивания была уничтожена и хорошо отлаженная система самоуправления крестьян, на смену ей пришли Советы, которые не в состоянии были содержать в надлежащем виде и нормально эксплуатировать сельскохозяйственные и лесные угодья, что приводило к упадку кустарной промышленности и многих народных промыслов.

С возникновением колхозов обострились противоречия и между социальными группами крестьян. Много было жалоб на захваты лучших земель в увеличенном размере: "У нас на душу приходится 7 — 8 сажень, а у колхозников 15 сажень. Отрезали самую лучшую землю, а нам оставили песок да камни... И просо нам не оставили. Скот, должно быть, придется нам на аэроплане переправлять на наше поле" [8, д. 97, л. 25]. По-видимому, колхозники играли не последнюю роль в выявлении так называемых кулаков и подкулачников, так как все строения и инвентарь раскулаченных переходили к ним. Вот что писал Г. К. Ульянов в очерке "Мордовская деревня как она

ссть" в селе Атяшево в 1930 г.: "На- строение деревни крайне подавленное, запуганное. Бывшие здесь острые пе- регибы еще не забыты. При каждом удобном случае приходится слышать жалобы — что тут делалось зимой. Разоряли не только богатых, но и на- стоящих тружеников, кто... ночи не спал, трудился" О кулаках колхозни- ки отвечали: "Кулаков, пожалуй, нет, а подкулачники остались, только при- смрели, попрятались... Осенью надо будет пощупать... Единоличники на этот счет определенно передают, будто колхозники говорят: "Вот осень при- дет, процентов 25 еще облупим"" [8, д. 97, л. 12]. В таких условиях отно- шения между колхозниками и обще- ством складывались не только не до- брососелские, а враждебные. Кроме ли- шения имущества существовала еще одна форма наказания инакомысля- щих, которая, впрочем, впоследствии приводила к раскулачиванию и высе- лению, — это лишение избирательных прав. Документы показывают, что "... есть такие моменты — лишают толко- вого человека, участника гражданской войны [избирательных прав] под видом умалишенного за то, что выступает с критикой на собрании" [6, оп. 3, д. 123, л. 2]. И таких примеров мно- жество: подобное наказание следовало за несвоевременную сдачу налогов, за нежелание вступать в колхоз, за то, что родственники имели лавку или бы- ли священнослужителями, и т. д.

Разъяснительная работа о политике правящей партии шла не на должном уровне. Вот как проходило агитацион- ное собрание в селе Атяшево, описан- ное Г. К. Ульяновым: "... был у нас инструктор колхозный, часа полтора барабанил и такие слова выковыривал, какие сроду мы не слыхивали в русском языке. Так мы ничего и не поняли...

— Вы бы ему сказали, что не по- нимаете.

— Говорили, а он свое. Должно быть, начитался наскоро и боялся — из головы вся марксизма у него вылетит" [8, д. 97, л. 9]. Бывали случаи нежелания проводить собрания на мор- довском языке.

Подобные методы и действия спо- собны оттолкнуть народ даже от самого хорошего начинания, от самой пра- вильной идеи и самой благородной це- ли. Как говорил крестьянин Солдатов на седьмом съезде Темниковского уез- да, "крестьяне ведь идут не против власти, а против таких коммунистов, которые приходят и пускают ее в ход... Коммунисты говорят — надо защищать Советскую власть, я в корне присое- диняюсь к этому, но помните, комму- нисты, вы сами должны быть чисты и служить примером" [7, л. 400 об.].

Советская власть с самого начала своего существования заявила о стрем- лении сделать большинство субъектом исторического развития [3, с. 249, 252]. Эту задачу пытались ре- шать всевозможными путями: создани- ем различных форм государственности, коренизацией, введением письменности, системы народного образования на родном языке и пр. Все это играло значительную роль в жизни мордов- ского народа. Но беда в том, что так называемые прогрессивные изменения в аграрной политике (коллективиза- ция, раскулачивание) вредили не толь- ко экономическому, но и политическо- му и национальному развитию народа. Коллективизация в этом отношении стоит в особом ряду, так как подобного ущерба не наносили даже стихийные бедствия. Ее справедливо можно на- звать политической и социальной вой- ной против народов России. Отрицание специфики сферы аграрных отношений и повторение промышленного типа раз- вития производства (от мелкотоварного к крупному), рассмотрение крестьян- ства как мелкобуржуазного класса ска- зывалось на состоянии всего народного хозяйства страны.

"Великий перелом" в деревне при- вел к снижению социально-политиче- ской активности, лишил наиболее гра- мотных представителей народа (как правило, это зажиточные крестьяне, дети священнослужителей, торговцев) возможности приобретения опыта обще- ственно-политической работы, ввел государственное крепостничество, спо- собствовал осуществлению индустриа-

по этому поводу. Трудно выделить существенные свойства характера, которые были бы присущи одному отдельно взятому народу. И тем не менее есть определенные признаки, составляющие единый комплекс специфических нравственно-психологических черт народа. Именно на этом сосредоточивает внимание профессор И. А. Ильин.

Проблема эта актуальна и в настоящее время как с научной, так и с житейской точки зрения. Пришло время осознания того, кто мы есть, что составляет наше духовное и национальное своеобразие, в чем сильные и слабые свойства русского характера, ибо без понимания этого трудно будет возродить Россию как национальное государство.

Подобно тому, как своеобразна и неповторима каждая личность, так и каждый народ, каждая страна представляют собой "живую индивидуальность" со своей неповторимой историей, душой и природой. Именно из этого исходил И. А. Ильин, обращаясь к данному материалу, понимая под "душой народа" его национальный характер [4, с. 211].

Он указывал на то, что проблема русского национального характера не разрешена, "ибо доселе он колеблется между слабохарактерностью и высшим героизмом" [3, с. 6]. Стараясь понять и разрешить это противоречие, И. А. Ильин высказал ряд довольно интересных суждений, заслуживающих самого пристального внимания. Что же, по его мнению, определило своеобразие русского духовно-нравственного склада, какие факторы повлияли на формирование его определенных черт, как морально положительных, так и морально отрицательных?

Самобытность русского народа, утверждает И. А. Ильин, выражается в его особенном духовном акте, в подразумеваемом под ним внутреннем строе и укладе человека: его способе чувствовать, созерцать, думать, желать и действовать [1, с. 297]. В соответствии с этим ведущую роль в становлении русского национального акта сыграли четыре основных фактора.

Первым из них является фактор, который правомерно было бы назвать природным или географическим. Это та естественная среда, в которой шло формирование русского национального характера. Смена суровой зимы раскаленным летом, безнадежной осени бурной, страстной весной, по мнению автора, и определила то, что "души наши стали глубоки и буреломны, разливы и бездонны, и научились во всем идти до конца и не бояться смерти... Нам открылся весь размах страстей... сонной вялости и неугасимой ненависти на всю жизнь" [3, с. 8].

Бесчисленные природные богатства повлияли на представление о том, что "и нас-то много, и у нас всего много", что "на всех хватит, да еще и останется", которые способствовали формированию таких качеств, как доброта, органическое ласковое добродушие, спокойствие, открытость души, общительность. Русская душа легка, текуча и певуча, щедра и нищелюбива — "всем хватит и еще Господь пошлет".

Однако в этой благодности, разлившейся в русской душе под влиянием щедрот земных, таятся и верно подмеченные И. А. Ильиным сопряженные с ней опасности, которые проявляются в беспечности, лени и бесхозяйственности. Проживает русский человек дары земли, проматывает свое достоинство, принимает добро, катится вниз, ищет легких путей и не любит напряжения. Чтобы срубить одно дерево — погубит пять. И земля у него Божья, и лес Божий, а Божье — значит ничье; потому и чужое ему не запрещено [3, с. 8].

Русскому духу присуща, по мнению И. А. Ильина, духовная свобода, внутренняя ширь, осознание неизведанных, небывалых возможностей [3, с. 5]. Эта внутренняя свобода дана русскому человеку от природы. В ней таятся как дары, например способность из глубины творить, беззаветно любить и гореть в молитве, так и многие отрицательные явления: тяга к безвластью, беззаконию, произволу.

Нет духовности без свободы, но нет и духовной культуры без дисциплины.

именно дисциплина есть наше великое задание, подчеркивает И. А. Ильин.

Под вторым фактором, обозначенным И. А. Ильиным как фактор "славянской души", по всей видимости, подразумевался тот особый душевный склад, который можно было бы охарактеризовать, исходя из размышлений самого мыслителя, как славянский индивидуализм и славянскую тягу к анархии [1, с. 315]. Русскому человеку всегда были присущи стремление к индивидуализации, склонность стоять на своих ногах, самому строить свою жизнь, иметь свое мнение. Ссылаясь на византийские источники, содержащие описания славян, И. А. Ильин определяет, что в их характеристике верно подмечено центробежное тяготение славянского характера [1, с. 246].

На русскую индивидуализацию оказало влияние и азиатское кочевничество [1, с. 246]. Азия дала русскому народу мучительный и заразительный урок противообщественности, ограбления и порабощения: она вдохнула в душу склонность разнуздывать инстинкт и богатеть не от творческого труда, а от неспадного нажима на соседа — от смуты и погромов.

И в то же время русско-славянская душа издревле и органически была предрасположена к чувству, сочувствию и доброте. Однако на одном этом вряд ли можно построить характер. Именно поэтому И. А. Ильин говорит о необходимости сочетания носящейся по воле "чувств" жизни с природной добротой и с мечтой о беспредельности, что в результате создает чудные образы добродетели, гражданской доблести и героизма [3, с. 12].

Отсюда, по его мнению, исходит удобообразованность русской души: способность умилиться без сентиментальности, простить от всей души, закончить грешную разбойную жизнь подвижничеством. Это же служит источником русской воли к совершенству: простота и естественность в героизме; верность и стойкость перед лицом мучений и смерти. Отсюда и русское мечтание о полноте и всецелости.

Любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз: внешней законопослушности) сами по себе мало свойственны русскому человеку. Без любви он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности.

Следующим фактором, оказавшим, как явствует из хода рассуждений И. А. Ильина, наиболее значительное влияние на становление русского национального характера, является фактор "особливой веры" [1, с. 297].

Издревле и изначально русская душа открылась божественному и восприняла его луч; сохранила отзывчивость и чуткость ко всему значительному и совершенному на земле. Она всегда искала свои корни в Боге и в его земных явлениях: в правде, праведности и красоте. "Надо жить по Божьи... Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу". Эта способность к восприятию божественного в сочетании с русским православием во многом, по мнению И. А. Ильина, определила своеобразие, неповторимость и высокую духовно-нравственную основу русского характера. Православие дало русским людям уверенность, что священное есть главное в жизни и что без священного жизнь становится унижением и пошлостью. Оно научило освящать молитвою каждый миг земного труда и страдания, научило желанию быть святой Русью. "И что останется от нас, — говорит И. А. Ильин, — если мы разведем и утратим нашу способность к религиозной очевидности, нашу волю к религиозному мироприятию?" [3, с. 10].

Последним, определяющим фактором, выделенным И. А. Ильиным, является фактор исторического развития (государственность, войны, территория, многонациональность, хозяйство, образование, техника, культура) [1, с. 297].

Таковы основные факторы, повлиявшие, по мнению И. А. Ильина, на становление русского характера и определившие его специфические черты.

Столетиями строили его церковь и армия, государственная служба и семья. И когда удавалось им их дело, то возникали дивные, величавые характеры: подвижники, войны, бессребренники. И все же, говоря об этих высших проявлениях русской природы, нельзя обойти верно подмеченную И. А. Ильиным проблему бесхарактерности. Русский народ, по его мнению, всегда страдал недостатком силы воли, дисциплины, взаимного уважения и доверия [1, с. 142]. Говоря об этом, И. А. Ильин указывал на такие особенности русского характера, как незрелость, рыхлость, шаткость. Именно в этом видел он и одну из главных причин русской революционной трагедии.

Первостепенными задачами он считает очищение русской души от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого, обновление духа, утверждение русскости на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. "Мы должны научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христианско-совестной" [1, с. 133], ибо "мы во Христа крестились,

но во Христа не облакались". И самое главное — необходимо воспитать в народе новый русский характер.

Таковы в общих чертах суждения И. А. Ильина по обозначенной проблеме. Можно с ним соглашаться или отвергать отдельные его положения. Но в целом необходимо отдать должное данной им глубокой характеристике русского национального характера. Многое, о чем писал И. А. Ильин, чрезвычайно актуально и по сей день. Конечно, к настоящему времени русский характер претерпел существенные изменения, сказались на нем и последствия трагедии 1917 г. Остается лишь надеяться, что эти изменения не затронули глубинных его основ. Что сохранится — покажет будущее. Необходимо лишь всегда помнить о том, что как в материальном, так и в духовном есть невозвратимое.

В заключение хочется сказать, перефразируя слова А. И. Титаренко, посвященные Н. О. Лосскому, что мертвые уже не мертвые, если их слушают живые. Таковым остается для нас в трудное время исканий, блужданий, хаоса Иван Александрович Ильин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948 — 1954 гг.: В 2 т. Т. 1. М.: МП "Радио", 1992. 344 с.
2. Ильин И. А. Наши задачи: Статьи 1948 — 1954 гг.: В 2 т. Т. 2. Париж: Изд.

- Русского Обще-Воинского Союза, 1956. 33 с.
3. Ильин И. А. О России. Три речи. 1926 — 1933. София: За Россию, 1934. 32 с.
4. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993. 40 с.

Философия и история

ФИЛОСОФИЯ НЕНАСИЛИЯ

Н. С. САВКИН, доктор философских наук

XX век завершается, и человечество неизбежно пытается оглянуться на пройденный путь, оценить его, осмыс-

лить и с надеждой на будущее наметить перспективы.

Наше время называют переломным

этапом в развитии истории. Человечество все отчетливее воспринимает себя как единство с определенной историей, культурой, цивилизацией, с общей судьбой и одинаковыми проблемами и стремится к выживанию на основе сосуществования, толерантности и ненасилия, осознает реальность глобальных опасностей — ядерной, экологической, демографической катастроф. До сих пор в массовом сознании не укладывалось, что глобальные опасности столь близки к черте, за которой — гибель человечества и цивилизации. Казалось, что ученые и публицисты сгущают краски, чтобы образумить политиков, выступающих с позиции силы. XX век с его мировыми войнами, массовыми репрессиями, распространением ядерного оружия подвел человечество к такой критической фазе истории, когда дальнейшее применение силы как метода и средства решения государственных, национальных и иных интересов неизбежно приведет к его самоуничтожению. Ненасилие становится единственно приемлемым путем развития, которому нет альтернативы. XX век показал это отчетливо, ибо он сконцентрировал и разрядил колоссальный заряд жестокости и насилия. Теперь можно с уверенностью сказать, что проблема ненасилия стала в наше время одной из самых актуальных и злободневных.

Что такое ненасилие? Это понятие ("а-химса") впервые употребил Махатма Ганди для обозначения отказа от разрушительной силы насилия в борьбе за справедливость. Но он не был сторонником пассивного сопротивления насилию. Пассивное сопротивление, отмечал он, — удел слабых и трусливых [1, с. 173]. Для обозначения же активного сопротивления насилию он предложил другое слово — "сатьяграха" (досл. "правда" "бог"), под которым он понимал силу духа, справедливости, правды, любви. Сатьяграха — не физическая сила, а духовная. "Ненасилие — это покой, — писал он, — но активное ненасилие — это любовь. Мир существует движимый любовью... Если бы враждебность была движущей

силой, мир давно был бы разрушен... Мы живы благодаря любви. Все мы — доказательство этого" [1, с. 168].

В настоящее время понятие ненасилия употребляется в достаточно широком смысле — и для обозначения абсолютного ненасилия как отрицания насилия при любых обстоятельствах (принципиальное ненасилие), и для обозначения активного ненасилия в борьбе за справедливость через силу правды, души, любви. В первом случае ненасилие понимается как социальная позиция и моральный принцип, во втором — как система практических действий для преодоления несправедливости. Как отмечает французский философ, активный участник движения ненасилия Жан Госс, цель ненасилия заключается не в достижении победы над противником или врагом, а в преодолении несправедливости, в решении конфликтов [6, с. 23].

Оборотной стороной проблемы ненасилия является вопрос о насилии. Насилие — это разрушительная и принудительная сила. Она подавляет, унижает, эксплуатирует. Существует насилие индивидуальное и социальное, физическое и психологическое, военное и культурное. Особое место среди всех перечисленных видов насилия занимает социальное. Оно в свою очередь имеет три основные формы — экономическую, политическую и духовную. Наиболее острым и мощным является политическое насилие с применением оружия и репрессий.

Испокон веков публицисты, философы, писатели волновали вопросы: играло ли социальное насилие прогрессивную роль в общественном развитии? Способствует ли оно ускорению общественного развития, переходу общества из одного состояния в другое или только решает вопросы социальной справедливости, не продвигая его вперед? С перечисленными выше связан не менее острый и трудный вопрос: в какой мере культура допускает и оправдывает насилие? Известно мнение русских революционных демократов, которые не сомневались, что без насилия прогресс в развитии общества, осво-

бождение масс от угнетения и эксплуатации просто невозможно, что в обществе, где насилие является повседневной практикой господствующих классов, добиться свободы, равенства и братства без насилия — утопия. К. Маркс утверждал, что "насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым" [5, с. 761]. В. И. Ленин также подчеркивал, что "ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием" [2, с. 256] и что "рождение нового строя невозможно без революционного насилия..." [3, с. 116 — 117]. Следовательно, революционные демократы и марксисты рассматривают насилие как неизбежную и обязательную плату за прогресс.

В какой мере правы революционеры? Ответ на этот вопрос имеет два аспекта. Первый: действительно, в обществе, где есть социальное зло, жестокая эксплуатация, рабское принуждение, неприкрытое насилие, обходиться без ответного насилия как средства самозащиты вряд ли представляется возможным. И здесь революционеры правы. Одновременно и в этой ситуации возможно применение ненасильственных методов борьбы за справедливость, например гражданское неповиновение — способ активного ненасилия. Второй аспект — мера использования революционного насилия в виде вооруженного столкновения, которое сопровождается, как правило, человеческими жертвами. Возникают вопросы, в какой мере оправданы эти жертвы и почему отдельный человек, для которого собственная жизнь единственная, должен жертвовать ею ради революционного продвижения вперед? Оправдана ли необходимость свержения существующего строя, если оно сопровождается человеческими жертвами? Как и чем оправдать эти жертвы, если исходить из системы ценностей культуры, в которой человеческая жизнь рассматривается как высшая ценность? Ответ должен быть строго определенным и однозначным: если свержение существующего строя и переход к новому этапу общественного

развития связаны с кровопролитием и человеческими жертвами, значит, "роды" еще не наступили. Форсирование событий насильственным путем равноценно искусственному вызыванию преждевременных родов.

Россия пережила столько трагических событий в течение только XX века, связанных с революциями, репрессиями, войнами, путчами, которые сопровождались насилием, что, казалось бы, у каждого россиянина должен был выработаться четкий иммунитет к нему. Увы! Наш народ как будто привык, притерпелся. Когда в Москве в октябре 1993 года произошли кровавые события, народ в массе своей достаточно спокойно воспринял это и "проглотил" очередную дозу насилия. Речь идет не о политической борьбе между парламентом и президентом между представительной и исполнительной властями. Это явление естественно и допустимо. Речь идет о другом — о кровопролитии. Политика — вещь спорная. Бесспорно другое — бессмысленная гибель людей. Если проанализировать цепочку событий с момента возникновения конфликта вначале в виде политического противостояния до его завершения 4 октября выстрелами из танковых орудий, можно сделать однозначный вывод: кровопролития можно было избежать. Приведем несколько высказываний из превосходно сделанной В. Максимовым подборки в "Книжном обозрении" за 21 января 1994 г.: вермонтский затворник А. Солженицын: "Это необходимый этап в борьбе с коммунизмом"; борец за демократию Е. Боннер: "Пленных не брать, расстреливать на месте"; бывший правозащитник и политзаключенный С. Ковалев: "Я уголовников не защищаю". "И все сплошь интеллектуалы, гуманисты, радители человеческих гражданских прав, убежденные демократы и принципиальные враги всяческого насилия" — замечает В. Максимов [4, с. 3].

К сожалению, многие, очень многие политики, ученые, публицисты до сих пор убеждены, что и в современном мире в борьбе с несправедливостью нет

инного пути, кроме ответного насилия. Так ли это? Нет, не так. Распространенность таких убеждений говорит лишь о том, что насилие имеет глубокие исторические корни, оно пронизало нашу цивилизацию, культуру, порой даже философию и религию. Родившись еще в первобытном обществе, оно проявлялось в родоплеменных войнах. Позже, в классовых обществах, — в политической, экономической, идеологической борьбе. Оно проникло в недра цивилизации, глубоко укоренилось в сознании и психологии людей. Проявления его бесконечно многообразны — начиная с кровавой мести, войн, террора, убийств, рэкета, кончая угнетением, разрушением, национальной, расовой, религиозной враждой. Но этим нельзя оправдать неизбежность насилия. Если посмотреть на историю в ретроспективе, можно с уверенностью сказать, что насилие никогда не было единственным способом решения общественных конфликтов как внутри государств, так и в отношениях между ними. Как отмечает А. А. Гусейнов, соотношение насилия и ненасилия в различные эпохи у различных народов, конечно, различно. Но в целом можно предположить, что преобладающим в их балансе были все-таки насильственные методы деятельности. В противном случае не состоялась бы история [6, с. 55].

Ответное насилие в борьбе с несправедливостью порождает новое насилие, тем самым мы включаемся в бесконечную спираль насилия, и чтобы победить, каждой стороне приходится постоянно наращивать свой военный потенциал. Так произошло в XX в. между СССР и Западом, когда ядерное противостояние дошло до критической черты, за которой взаимное уничтожение обеих сторон стало реальной возможностью.

Разумеется, ответное насилие жертвы и насилие насильника существенно различаются как по содержанию, смыслу, так и по целям, мотивам. Не случайно ответное насилие называется справедливым и морально оправданным в пределах самообороны. Здесь мы

имеем дело со случаем, когда из двух зол приходится выбирать меньшее. Философия же ненасилия ищет пути обоснования идеи, что в современных условиях возможно и необходимо объединение усилий большинства человечества для противостояния насилию ненасильственными методами.

Одним из аспектов теории ненасилия является проблема толерантности, которая широко обсуждалась на прошедшем в Москве 22 — 28 августа 1993 г. XIX Всемирном философском конгрессе "Человек и человечество на переломном этапе", в котором автор принимал участие. На конгрессе отмечалось, что в современных условиях, когда накоплено достаточно ядерного и химического оружия, нарастает угроза экологической катастрофы, существуют разные политические системы, вероисповедания, поэтому человечество может выжить, только соблюдая принцип толерантности, который выступает как один из важнейших ненасильственных методов борьбы против несправедливости.

Толерантность (от лат. *tolerantia* — терпение) означает снисходительность к кому- или чему-либо, терпимость — к чужому мнению, другой культуре, иной политической системе, иным манерам, убеждениям, верованиям, стилю жизни. Она исходит из того, что собственные убеждения каждого не должны быть окончательными и безоговорочными. Всегда должно быть оставлено место сомнению. Это не скептицизм и не нигилизм, которые все отрицают или все подвергают сомнению. "Оставлять место сомнению" означает, что убеждения человека не должны быть абсолютными, даже если они проверены и подтверждены, так как с изменением места, времени, условий убеждения и знания могут не соответствовать или частично не соответствовать действительности. Принцип "оставляй место сомнению" наилучшим образом выражает нормальное мировоззренческое состояние нормального здравомыслящего человека. Придерживаясь этого принципа, можно избежать фанатизма и враждебности к оппонентам.

Но толерантность нельзя понимать как безразличие и терпимость ко всему. Она не беспредельна. Недопустимы терпимость ко лжи, жестокости, диктату, тоталитаризму. Как отметил на конгрессе новый президент Международной федерации философов Ф. Квиесада, терпимость обязательна без оговорок в двух случаях: 1) по отношению к другому человеку с иной культурой, иным мировосприятием и 2) по отношению к теории, идеям, политическим, религиозным и другим убеждениям. По отношению же к истине она менее приемлема. Толерантность — это мудрость уважения, демократический плюрализм. Она предполагает достаточно сильный интеллект и здоровое мышление. Толерантность — не столько практическое действие, сколько состояние, проявляющееся в постоянной готовности и стремлении к уважению и пониманию другого. Труднее всего толерантность дается политикам и религиозным фанатикам. Часто они бывают взаимно нетерпимы. Политические оппоненты нередко становятся врагами и готовы уничтожить друг друга. Это странно с точки зрения естественного положения вещей, когда граждане одной страны, нации, города, иногда бывшие знакомые, друзья, будучи политическими противниками, способны перерезать друг другу горло. С точки зрения философии ненасилия перед нами налицо, во-первых, абсолютизация политики и власти в жизнедеятельно-

сти общества, когда последние рассматриваются не как средство организации общественной жизни, а как средство удовлетворения личных амбиций, получения льгот и привилегий, во-вторых, игнорирование известного положения философии, что человек есть мера всех вещей, человек как личность есть абсолютная ценность.

Возможно ли общество, где не будет насилия, или мы излагаем очередную утопию? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо напомнить об истоках насилия. Существуют две основные позиции по данной проблеме. Одни полагают, что насилие заложено в психике людей, оно неискоренимо. Человек должен постоянно помнить об этом и усилием воли, духа освобождаться от инстинктов агрессии, подавлять их. Другие убеждены, что насилие имеет историческое, социально-экономическое происхождение. В основе его — недостаток материальных средств, и если достигнуть их изобилия, конфликты из-за их распределения отпадут — насилие потеряет смысл.

Обе позиции содержат в себе долю истины. Первая точка зрения обращает внимание на духовные, субъективные истоки насилия, вторая — на социально-экономические, объективные. Движение к обществу ненасилия возможно лишь на основе учета обоих условий. Однако достичь его никогда не удастся, если не руководствоваться принципами философии ненасилия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ганди М. Сатьяграха // Ненасилие: философия, этика, политика. М., 1993. С. 167 — 174.
2. Ленин В. И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11 (24) января // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 261 — 279.
3. Ленин В. И. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // Полн. собр.

- соч. Т. 40. С. 113 — 121.
4. Максимов В. "Возьмемся за руки, друзья!.." // Книжное обозрение. 1994. № 3. С. 3.
5. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 5 — 907.
6. Ненасилие: философия, этика, политика / Кол. авт.; Отв. ред. А. А. Гусейнов. М.: Наука, 1993. 188 с.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МОРДОВИИ: ПУТЬ К ВЛАСТИ

Д. В. ДОЛЕНКО, кандидат философских наук

Демократическое движение в Мордовии конца 80-х — начала 90-х гг. как оппозиционное движение, направленное против существовавшей в стране системы власти, как это ни странно звучит, было порождением политики правящей коммунистической партии, точнее, политики, начало которой было положено М. Горбачевым в апреле 1985 г. До этого времени в Мордовии не существовало никаких заметных признаков политической оппозиционности.

Больше того, политика демократизации и гласности отнюдь не сразу привела к общественно значимым последствиям. Период с 1985 по 1989 г. можно назвать этапом зарождения будущего оппозиционного движения. В этот период оживилась политическая жизнь внутри партийных организаций КПСС, что проявилось в более свободном обсуждении общественно-политических проблем. Это касается прежде всего партийных организаций, объединявших интеллигенцию, — Мордовского университета, НИИ силовой электроники и др.

Наиболее заметными вехами первого этапа было обсуждение проблемы роли Сталина и сталинизма (1987 г.), выборы народных депутатов СССР (1989 г.). Начав с критики Сталина и сталинизма, многие коммунисты, в первую очередь вышеназванных организаций, в 1988 г. открыто критиковали Мордовский обком КПСС за недемократические выборы делегатов на конференцию. Видимых последствий эти выступления не имели, но они свидетельствовали о преодолении морально-психологического барьера, страха перед властью. Люди решались говорить не только то, что было бы приятно власти.

Рубежом, отделявшим первый этап от последующего, были выборы народ-

ных депутатов СССР в 1989 г., когда не по указанию сверху, а по инициативе снизу и даже вопреки давлению партаппарата народными депутатами стали А. Осипов и Т. Тюрина. Эти выборы показали, что новые законы открывают возможности для легальной борьбы за власть и в этой борьбе можно победить, если быть организованными. Стало ясно, что необходимо хорошо подготовиться к выборам народных депутатов РСФСР, МАССР и местных Советов.

Второй этап демократического движения, охватывающий период с лета 1989 до лета 1990 г., был этапом его организационного оформления. Начало ему было положено созданием в г. Саранске клуба избирателей "Демократическая инициатива", первое собрание которого состоялось в июле 1989 г. Инициатором его создания была группа инженеров завода "Электровыпрямитель", в которую входили народный депутат СССР Т. Тюрина, В. Авксентьев, Ю. Карасев, Г. Чумаков и др. Зарождающееся движение объединило людей разных взглядов и целей: от коммунистов, стремившихся к демократическим переменам в рамках существующей системы, до антикоммунистов. Политической платформой клуба стали общедемократические требования: ликвидация привилегий номенклатуры, гласность, разделение властей, права человека и др.

Первым серьезным испытанием для оппозиции стала избирательная кампания зима — весны 1990 г. На этих выборах важную роль как в выдвижении кандидатов в депутаты, так и в организации митингов, направленных против местной партократии, сыграл комитет "Демократическая инициатива". Митинги и встречи с избирателями принесли известность и даже популярность многим участникам демократи-

ческого движения, результатом чего было то, что ему удалось добиться определенных успехов на выборах: несколько кандидатов стали народными депутатами РСФСР, в Верховном Совете МАССР депутатская группа "Демократическая Россия" насчитывала 26 человек, в горсовете демократы получили около четверти мест.

Весной — летом 1990 г. в оппозиционном движении происходил процесс кристаллизации, образования отдельных структур — партий и обществ: Демократической платформы в КПСС, общества "Мемориал", Социал-демократической партии и др. В августе 1990 г. в г. Ковылкино был проведен учредительный съезд республиканской организации движения "Демократическая Россия", который принял основные документы и избрал ее председателя. Им стал народный депутат МАССР В. Гусляников. Одновременно проходил и учредительный съезд отделения Демократической партии России (ДПР). 30 августа состоялось организационное собрание Саранского отделения ДПР.

Разумеется, все эти партии были таковыми лишь по названию: у них не было устойчивой структуры, газет, финансовой базы, численность их не превышала нескольких десятков человек. Однако сам факт возникновения действующих оппозиционных структур имеет огромное морально-политическое значение: он приводит к более четкой ориентации людей в своих политических симпатиях, создает возможность найти единомышленников, опереться на их поддержку. Серьезной же политической силой стала не какая-либо из партий, а движение "Демократическая Россия", объединившее как новые партии, так и беспартийных. Количество активистов "Демроссии" тоже было невелико, в ее собраниях участвовали не более нескольких сотен человек. Но, как показали дальнейшие события, "Демроссия" во время крупных политических кампаний смогла мобилизовать в свою поддержку значительное количество граждан.

Со второй половины 1990 до конца

1991 г. продолжалось восходящее развитие "Демроссии", когда она уверенно шла от успеха к успеху и в конечном счете пришла к власти. Осенью 1990 г. она провела ряд успешных политических кампаний. Первая была связана с требованиями отставки Председателя Верховного Совета МАССР А. Березина и достигла своей цели. Следующей была кампания по изменению государственного статуса республики. Республиканское движение "Демократическая Россия" с момента публикации проекта Декларации о государственном суверенитете Мордовии заняло по отношению к нему резко отрицательную позицию. Была организована достаточно мощная кампания противодействия: митинги, сбор подписей, публикации в многотиражных заводских газетах и т. д. В итоге настроения преобладающей части общественности сложилось явно не в пользу официальной позиции. Накануне сессии Верховного Совета МАССР 6 декабря 1990 г. был проведен массовый митинг в г. Саранске, на котором была принята резолюция, отвергающая принятие суверенитета. В этот же день бюро Мордовского рескома КП РСФСР на своем заседании приняло постановление, в котором призывало Верховный Совет воздержаться от принятия Декларации о суверенитете Мордовии.

В конечном счете 7 декабря 1990 г. сессия Верховного Совета приняла Декларацию о государственно-правовом статусе Мордовской ССР, из которой были изъяты слова о суверенитете и верховенстве законов Мордовской ССР. Это решение сняло напряженность в обществе и прибавило политический капитал "Демроссии".

Однако в конце 1990 г. в политической жизни Мордовии произошло событие, которое сыграло для политической судьбы демократического движения еще более значительную роль. 26 декабря народный депутат МАССР, председатель республиканского отделения движения "Демократическая Россия" В. Гусляников был избит. Это вылилось в крупный политический скандал: прошли митинги протеста, де-

ляли заявления осуждения руководители республики, политические партии. Это покушение имело далеко идущие последствия, оно сделало его имя известным всей республике и, тем самым, повысило популярность движения "Демократическая Россия".

В июне 1991 г. была проведена массовая кампания в поддержку Б. Ельцина на президентских выборах России, и его кандидатура набрала наибольшее количество голосов избирателей Мордовии.

Следующей важной вехой в политической судьбе "Демократической России" стали события августа 1991 г., когда руководство республики заняло выжидательскую позицию, тогда как руководство Саранского горсовета и поддерживавшее его демократическое движение активно выступили за Президента России Б. Ельцина. Провал ГКЧП и запрет деятельности организационных структур КПСС означали победу "Демроссии". Вплоть до появления в 1992 г. новых коммунистических партий она оставалась практически единственной политически и юридически оформленной организацией.

Это обстоятельство, как оказалось впоследствии, сыграло чрезвычайно важную роль во время выборов Президента Мордовской ССР осенью 1991 г. На этих выборах "Демроссия" оказалась самой организованной и сплоченной силой. Отсутствие организационных структур КПСС, привычного механизма выработки единой политической линии привело к тому, что правящая элита не смогла выставить одного кандидата. Правда, и демократы были представлены несколькими кандидатами, но лишь В. Гуслянников выступал как представитель движения "Демократическая Россия", которое к моменту президентских выборов в Мордовии уже накопило большой опыт проведения избирательных кампаний, а сам В. Гуслянников пользовался значительной популярностью. Результатом была победа последнего. Тем самым движение с начала 1992 г. вступило в новый этап своего развития,

превратившись из оппозиционного в правящее. Однако поскольку оно практически не располагало людьми, имевшими опыт административной и хозяйственной работы, только лишь очень немногие из собственно демократического движения получили посты в правительстве. На остальные должности Президент пригласил управленцев с завода "Электровыпрямитель" и министров прежнего правительства. Об идеологическом влиянии "Демроссии" на Президента тоже говорить не приходится, так как движение не имело сколько-нибудь серьезной и конкретной программы реформ в республике.

Буквально с первых дней президентства между Президентом и другими лидерами движения начались трения по вопросам кадровой политики: многие иначе представляли себе результаты победы и свое место в рядах победителей. Кроме того, первые дни президентской власти совпали с либерализацией цен, с началом непопулярных реформ, и груз ответственности за эти реформы неизбежно ложился на демократов. Недовольство народа, его разочарование в демократах, некомпетентность президентской команды, недовольство части демократов кадровой политикой Президента привели к кризису движения.

В декабре 1992 г. на конференции республиканской организации "Демроссия" произошел ее раскол, в результате чего возникли две организации с одним и тем же названием. Разница между ними заключалась в том, что одна стояла на позиции поддержки Президента В. Гуслянникова, а другая заявила о переходе в оппозицию к нему.

Все вышесказанное говорит о том, что с победой В. Гуслянникова "Демократическая Россия" в Мордовии закончила движение по восходящей линии, достигла своего пика. Дальше начался этап кризиса, обусловленный объективно. Движение возникло как оппозиционное, направленное против существовавшей партийно-бюрократической системы. Его главным идейным

ской — 50,5, в Чувашской — 48,7 % занятого населения. В целом это ниже показателя по Волго-Вятскому району — 59,1 % [6, с. 34 — 35].

В 60-е — первой половине 80-х гг. темпы роста абсолютного количества рабочего класса замедлились. В основе этой тенденции лежал высокий уровень занятости населения, ограниченный его прирост, возрастающие потребности сферы обслуживания, а главное, низкий научно-технический уровень производства. Темпы прироста численности рабочих в сфере обслуживания сокращались, но все же были выше, чем в промышленности, строительстве, транспорте и связи.

Данные тенденции были характерны и для Марийской, Мордовской и Чувашской республик. Следует подчеркнуть, что темпы прироста численности рабочих здесь были несколько выше, чем по РСФСР. В Мордовии за 1959 — 1979 гг. численность рабочих возросла на 41,2 %, а в 1970 — 1979 гг. — на 20,6 %. В 1979 — 1985 гг. доля рабочего класса в занятом населении республики практически не увеличивалась и составляла 56,2 % [20, 22]. В Чувашской республике этот показатель составил 54,2 % [2, с. 20].

В силу более высокого технико-экономического уровня в промышленности, строительстве, транспорте и связи сосредоточивалось больше квалифицированных и образованных рабочих. Заметно увеличился промышленный отряд рабочего класса республик. В Мордовии за 70-е — 80-е гг. он вырос с 85,5 тыс. до 133 тыс. чел. Удельный вес его увеличился с 39,7 до 47,0 % [20], что было связано со строительством новых крупных промышленных предприятий. Это являлось особенностью республики.

В Чувашии за 1971 — 1975 гг. численность рабочих промышленности возросла с 124 тыс. до 143 тыс. чел. [5, с. 212]. Наибольшим был приток рабочих в машиностроении, где к концу 70-х гг. их численность увеличилась на 59,8 %. Вместе с тем доля промышленного отряда в структуре рабочего класса республики уменьшилась

с 47,8 % в 1970 г. до 43,9 % в 1979.

Приведем данные о численности рабочих в других отраслях народного хозяйства. В Чувашии в 1971 г. насчитывалось около 30 тыс. рабочих строительства, 13 тыс. транспортных рабочих, 34 тыс. рабочих совхозов [21, с. 84]. В Мордовии в 1979 г. на транспорте и в связи было 22,4 тыс. рабочих, в строительстве — 31,2 тыс., в сельском и лесном хозяйстве — 39,8 тыс. [20]. Значительная доля рабочих была в жилищно-коммунальном хозяйстве и бытовом обслуживании населения, общественном питании, торговле, материально-техническом снабжении и сбыте, народном образовании, здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении, аппарате органов государственного и хозяйственного управления. Рост численности рабочих в отраслях обслуживания означал усиление их роли в создании необходимых условий для гармоничного развития всего общества. Однако необходимо иметь в виду, что сфера обслуживания — это новое для нас направление деятельности рабочего класса, которое характеризуется преобладанием небольших предприятий. Здесь был высокий удельный вес занятых ручным неквалифицированным трудом, причем преобладали женщины.

Особенностью количественного роста рабочего класса являлось то, что этот процесс в сельской местности протекал гораздо интенсивнее, чем в городах. В Мордовии доля городских рабочих в занятом населении за 70-е гг. уменьшилась с 68,4 до 67,7 %, а сельского отряда — возросла с 37,6 до 43,4 % [20]. В хозяйствах республики в 1970 г. насчитывалось 17,2 тыс. механизаторов, из них 3,6 тыс. — в совхозах, а в 1985 г. — 23,8 тыс. чел., в том числе 6,6 тыс. — в совхозах [14, с. 113; 15, с. 97]. В совхозах Чувашии их численность возросла с 3,3 тыс. до 9,7 тыс. [16, с. 80; 17, с. 81]. Количество механизаторских кадров в сельском хозяйстве Марийской республики составляло 8,3 тыс. чел., в том числе в совхозах — 7,6 тыс. [13, с. 60].

Среди рабочих большую долю составляли так называемые маятниковые мигранты. Работая в городах и поселках городского типа, а проживая в близлежащих селах, они много времени тратили на дорогу к месту работы и домой. Все это затрудняло их участие в жизни коллектива, ограничивало возможности повышения профессиональной квалификации, образования и культуры.

Немаловажным показателем развития рабочего класса трех республик являлся рост его национальных кадров. В рабочем классе Мордовия лица коренной национальности на конец 70-х гг. составляли 27 %, в том числе в промышленности — 23, лесном хозяйстве — 47, сельском хозяйстве и на транспорте — 34, в торговле — 29 % [1, с. 132]. Следует отметить, что в социально-классовом составе мордовского населения рабочие составляли 45 %, а рост этого показателя происходил преимущественно за счет занятых в сельском хозяйстве, что не требовало высокой квалификации, образования. Основную часть промышленного отряда рабочего класса составляли русские. Татарская часть населения в основном была занята в сфере обслуживания, личных подсобных хозяйствах, торговле.

Иная картина в Чувашии. В 1977 г. лица коренной национальности в промышленности республики составляли 53 %, а в 1983 г. — 57 % [19, с. 101]. Всего же в рядах рабочего класса насчитывалось 70 % чувашей [18, с. 183]. Примерно такая же ситуация была в Марийской республике.

Тенденцией социального развития рабочего класса республик в исследуемый период являлось продолжение процесса его концентрации на крупных предприятиях. Факты свидетельствуют о большой степени монополизации и неравномерности размещения промышленности республик.

Процесс интеграции науки с производством, его автоматизации порождал тенденцию к интеллектуализации физического труда и возникновению новых рабочих профессий — наладчиков

и настройщиков автоматических линий, операторов электронных машин и др. Это требовало повышения культурно-технического уровня рабочего класса, что было невозможно без улучшения его общеобразовательной подготовки. Если на Мордовию в 1970 г. с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием приходилось 34 чел. на 1 тыс. занятых, с общим средним — 196, с неполным средним — 357, с начальным — 296 чел., то в 1979 г. соответственно 75, 414, 276, 197 чел. [20]. Причем уровень образования городских рабочих был выше сельских, мужчин выше, чем женщин. Удельный вес рабочих со средним образованием по Мордовии был несколько больше, чем по Российской Федерации. В Чувашии в 1979 г. удельный вес лиц с высшим, незаконченным высшим, средним специальным и средним общим образованием среди рабочих составлял 40,3 % [2, с. 32].

Подготовка и повышение профессионального уровня рабочего класса осуществлялись в профессионально-технических училищах и непосредственно на предприятиях, в объединениях, учреждениях и организациях, однако потребности производства не удовлетворялись полностью из-за слабого развития системы профтехобразования, невысокого качества подготовки рабочих.

В рассматриваемый период значительно выросла численность трудящихся, занятых механизированным трудом. В течение 70-х гг. количество рабочих, занятых управлением, контролем, регулировкой автоматов, автоматизированных агрегатов и установок, а также машинистов, мотористов, станочников по металлу и дереву, ткачих, вальцовщиков-операторов в промышленности Мордовии выросло с 42 до 45,5 %, в Чувашии — с 45,3 до 49 % [1, с. 126, 132; 3, с. 114; 4]. Уровень механизации труда рабочих промышленности Марийской республики составил 43,5 %. Вместе с тем была высока доля ручного, малоквалифицированного труда. Вручную здесь трудилось 46,7 % рабочих (в Мордо-

вин — 39,9 %, в Чувашии — 38,8 %) [1, с. 132].

Таким образом, в 70-е — 80-е гг. проанализированные нами тенденции способствовали количественному росту рабочего класса Марийской, Мордов-

ской и Чувашской республик, в основе чего лежала промышленная неразвитость, слабый уровень научно-технического прогресса и как следствии значительная доля ручного труда в промышленности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адушкин Н. Е. Рабочий класс Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 176 с.
2. Викторов В. Н. Проблемы совершенствования воспроизводства новой рабочей силы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 72 с.
3. Вопросы истории и историографии Чувашского народа / Чуваш. ун-т; Ред. колл.: И. Д. Кузнецов и др. Чебоксары, 1974. Вып. 3. 176 с.
4. Вопросы совершенствования подготовки кадров в народном хозяйстве Чувашской АССР / НИИ яз., ист. и экон. Чебоксары, 1984. 120 с.
5. История промышленности и рабочего класса Чувашии / Под ред. П. И. Иванова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. Ч. 2. 255 с.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М.: Статистика, 1972. Т. 5. 296 с.
7. Коммунист. 1987. № 1. С. 124 — 127.
8. Народное хозяйство РСФСР: Стат. сб. М.: Госстатиздат, 1957. 371 с.
9. Народное хозяйство РСФСР в 1958 г.: Стат. ежегодник. М.: Госстатиздат, 1959. 508 с.
10. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1976. 519 с.
11. Народное хозяйство РСФСР в 1980 г.: Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1981. 406 с.
12. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1986. 655 с.
13. Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах / Стат. упр. Мар. АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1980. 123 с.
14. Народное хозяйство Мордовской АССР за годы девятой пятилетки. 1971 — 1975 гг.: Стат. сб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976. 208 с.
15. Народное хозяйство Мордовской АССР за годы одиннадцатой пятилетки. 1981 — 1985 гг.: Стат. сб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 200 с.
16. Народное хозяйство Чувашской АССР за годы девятой пятилетки. 1971 — 1975 гг.: Стат. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 169 с.
17. Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки. 1976 — 1980 гг.: Стат. сб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. 175 с.
18. Рабочий класс Чувашии в период развития развитого социализма / Чуваш. ун-т; Под ред. М. В. Румянцев. Чебоксары, 1972. 216 с.
19. Роль русского рабочего класса в формировании рабочего класса автономных республик РСФСР / Чуваш. ун-т; Редкол.: Ю. П. Смирнов и др. Чебоксары, 1984. 125 с.
20. Текущий архив Мордовского республиканского управления статистики.
21. Формирование и рост рабочего класса Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 183 с.
22. Центральный государственный архив МССР, ф. Р — 662, оп. 28, д. 263.

=====

Экономика

=====

ПОТРЕБИТЕЛЬНОСТОИМОСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ

Н. Ф. ДЮДЯЕВ, доктор экономических наук

Теория предельной полезности и производительности факторов возникла в 70-х гг. XIX в. как аппарат для изучения экономики полезностей, "экономики благосостояния". Имевшиеся к тому времени теории трудовой

стоимости, в том числе Марксова, изучали затратный, стоимостной аспект экономики, поэтому не могли дать ответ на многие вопросы, возникающие на другом полюсе хозяйствования — в сфере использования потребитель-

ских благ, потребительных стоимостей, в частности на вопрос об измерении экономической ценности затрат и результатов. Между тем все настойчивее пробивала себе право на существование мысль о том, что экономическая ценность факторов производства производна от ценности, полезности производственных или потребительских благ, потребительных стоимостей. Следует отметить, что К. Маркс не уделил достаточного внимания изучению потребительно-стоимостного содержания факторов производства, хотя высказал по этому поводу серьезные суждения: "Все развитие производительных сил касается потребительной стоимости, но не меновой стоимости, однако изменяет и модифицирует сами экономические отношения и отношения меновой стоимости" [3, с. 330].

Основные положения и выводы теории предельной полезности находят отражение в анализе модели поведения индивидуального потребителя, в которой целевая функция строится на основе субъективного представления о ценности, полезности. Поэтому математически строго полученные следствия были лишены научной основы. Не объясняет механизм получения новой, большей полезности (потребительной стоимости) и анализ решения задачи оптимизации производства фирмы [4, с. 339 — 563], так как в рамках теории стоимости не удается объективно количественно оценить (измерить) предельную производительность факторов производства. (В трудовой теории стоимости ценность продукта измеряется суммарным объемом затрат на его создание.)

Эти и многие другие вопросы легко снимаются, если вместо задачи индивидуального потребления изучать задачу производственного потребления в категориях трудовой теории потребительной стоимости [5, с. 15 — 157], а при ее решении использовать гипотезу: выбор производственных факторов x_j , $j = 1, \dots, n$, при рыночных ценах p_j и имеющемся доходе M осуществляется с целью максимизации высвобождения живого труда U , его

экономии. Тогда полезность фактора приобретает содержание производственной полезности, потребительной стоимости и оценивается количеством высвобождаемого, сэкономленного живого труда в процессе его производственного использования (т. е. по влиянию на рост производительности труда). Проблема состоит в распределении дохода M на приобретение факторов производства в соответствии с ценами

p_j , предельными полезностями $\frac{\partial U}{\partial x_j}$ факторов и $\frac{\partial U}{\partial M} = \lambda$ денег, которые теперь получают объективное содержание и равны количеству высвобождаемого в данном производстве живого труда, приходящегося на последнюю дополнительную единицу ресурса и дополнительно вложенный рубль.

Очевидно, даже при неизменной полезности рубля (постоянном уровне дохода) оптимальная стратегия зависит от характера изменения предельной полезности факторов. При снижающейся эффективности факторов —

$\frac{\partial^2 U}{\partial x_j^2} < 0$ (классический случай) равновесие потребителя достигается при равенстве предельной полезности каждого фактора потребительной стоимости затрачиваемых денег и полном использовании денежных ресурсов:

$$\frac{\partial U}{\partial x_j} = \lambda p_j, j = 1, \dots, n; \sum_{j=1}^n p_j x_j = M. \quad (1)$$

Это означает, что максимальное высвобождение достигается, когда:

а) предельные полезности факторов производства относятся как их цены;

б) потребительная стоимость, приходящаяся на денежную единицу, одинакова для всех покупаемых предметов и равна предельной полезности рубля λ ;

в) приобретаемая потребительная стоимость равна потребительной стоимости используемой части дохода:

$$\sum_{j=1}^n \frac{\partial U}{\partial x_j} x_j = \lambda M. \quad (2)$$

Из последнего равенства следует, что предельная полезность рубля λ является своего рода мерой соизмерения обмениваемых при покупке полезностей, что приобретении одной и той же потребительной стоимости за меньшую часть дохода предельная полезность рубля возрастает. Поэтому у потребителей с разными уровнями дохода оценка рубля различна: она выше у потребителя с низким доходом.

При снижении рыночной цены фактора предельная полезность рубля тоже возрастает (см. 1), а поэтому при данном уровне дохода потребитель может приобрести большую суммарную полезность (см. 2).

При ограниченном доходе и взаимозаменяемых факторах с возрастающей эффективностью ($\frac{\partial^2 U}{\partial x_i^2} > 0$) максимум высвобождения не определяется условиями Куна — Таккера, а достигается в крайней точке

$$x_{i_0} = \max_j [M : p_j], \quad x_j = 0 \text{ при } j \neq i_0,$$

т. е. при полном использовании ресурсов на приобретение фактора наибольшей потребительной стоимости. Этим объективно объясняется целесообразность мероприятий по замене одних факторов другими.

Традиционно факторы и результат производства оцениваются стоимостью. Поэтому оценка полезного эффекта продукта сводится к соизмерению стоимости (или в лучшем случае экономии на стоимости) продукта с затратами, установлению пропорциональности между ними.

Измерение продуктов по эффективности затрат на его производство тоже не совсем корректно, так как в этом случае в основу кладется эффективность (производительность) затраченного труда, а не эффективность произведенного продукта. На самом деле, эффективность продукта проявляется при его потреблении (использовании), на следующем этапе воспроизводства и заключается в экономии, высвобождении живого труда, который по отношению к затраченному, прошлому тру-

ду может быть назван будущим трудом. В этом смысле труд, затраченный на производство продукции, отличается от труда, содержащегося в ней и проявляющегося при ее потреблении. Соизмерение затрат и полезности продукта в рамках закона потребительной стоимости — закона движения конкретного труда [2, с. 92] в новую потребительную стоимость (продукт) в процессе производства позволяет лучше понять смысл производства — создание большей полезности, чем суммарная потребительная стоимость издержек, а также критерия эффективности — большей экономии при меньших затратах.

Остановимся подробнее на изучении полезности главных факторов производства с позиции их общего экономического назначения.

Потребительная стоимость техники исследована достаточно полно на основе известных методологических положений [1, с. 53 — 102]. Ее экономическое назначение — высвобождение человеческого труда из непосредственного процесса производства. Для обоснования целесообразности этого приходится сравнивать, сопоставлять эффективность рабочей силы и техники.

Экономическая эффективность рабочей силы может быть определена отношением ее производительности в высвобождении живого труда к затратам на воспроизводство и содержание. Однако определение фактического значения этого отношения в стоимостных категориях связано с большими трудностями, что объясняется двумя причинами. Первая связана с определением потребительной стоимости рабочей силы в виде создаваемой ею прибавочной стоимости, источником которой является неоплаченный живой труд. В таком механизме оценки полезности рабочей силы отсутствует необходимый живой труд. Вторая причина имеет более глубокие корни. Они связаны с трудностями определения издержек и цены производства рабочей силы. Нет теоретического обоснования средней нормы прибыли и цены производства

рабочей силы. Этими обстоятельствами объясняются сомнения в правильности исчисления эффективности замены рабочей силы техникой в стоимостном измерении.

Если прошлый труд зафиксирован — осуществлен и в процессе производственного использования стоимость техники переносится в продукт без изменения, то рабочая сила в процессе ее осуществления в живом труде не переносит свою стоимость в продукт. Поэтому для корректной постановки и обоснования критерия оценки экономического эффекта, относящегося к технике и рабочей силе, нужен другой подход.

Рабочая сила — это труд в его целесообразном, особом полезном качестве. В процессе труда проявляются ее качественные характеристики как агента производственного отношения и результат как фактор производства.

Главная черта конкретного труда — его качественная определенность. Это особый труд, который в процессе производства переходит из деятельного состояния в предметное, превращается в его специфическую полезность в форме проявления конкретной рабочей силы. Содержание полезности человеческой производительной силы раскрывается в процессе движения труда: квалифицированный труд реализуется в прогрессивных техниках, технологиях, качественной продукции. При использовании последних содержащийся в них конкретный труд замещает труд определенного качества и объема, который, по существу, становится сэкономленным живым трудом. Объем и качество этого труда являются результатом проявления производительной силы человека, величина которой определяется его потребительной силой, уровнем затрат на воспитание, обучение человека, развитие его физических и духовных способностей. Такое сопоставление позволяет свести изучение полезности рабочей силы к анализу результата ее проявления, содержания конкретного высвобождаемого труда. Численное значение экономии при производственном использовании рабочей силы оп-

ределяется разностью высвобождаемого ею и затраченного на него труда.

Как видно, рабочая сила и техника имеют общую грань — способность экономить, высвобождать живой труд. Наличие этой грани позволяет сопоставлять, сравнивать их в экономическом анализе. По величине экономии живого труда оценивается экономическая эффективность техники и рабочей силы как факторов производства, а в результате их сопоставления — эффективность замены друг другом.

Потребительностоймостная оценка факторов и результата производства дает основание по-новому взглянуть на многие положения теории производственных функций. Прежде всего реальная взаимозависимость и взаимообусловленность производительной и потребительной силы позволяет констатировать возрастание эффективности рабочей силы во времени. Действительно, труд, воплощенный в рабочем, в процессе его производственной деятельности овеществляется в продукте посредством живого труда, так что величина возмещаемого труда и составляющие ее части, относящиеся к живой силе человека и энергию, приобретенную при его воспитании и обучении, зависят от духовных и физических возможностей человека. С другой стороны, результат производственной деятельности человека — средства производства, услуги и т. п. не только раздвигают границы физических возможностей, но и способствуют многократному умножению духовных, возвышают созидательную силу человека.

Каждое новое поколение техники отличается большей производительностью, так что труд, содержащийся в ней, также имеет возрастающую отдачу. Это свойство рабочей силы и техники позволяет говорить о возрастании потребительной стоимости продукта, относящейся на единицу затрат, т. е. о снижении общественно необходимых затрат на производство единицы потребительной стоимости. В общем виде это свойство выражает связь между трудом, реализованным в повышен-

ных полезных свойствах продукта, и трудом, затраченным при его создании и производстве, а именно, труд по условиям потребления продукта всегда больше общественно необходимых затрат труда по условиям его производства. Эта закономерность широко используется, в практике распределения различных видов труда и рабочего времени в пропорциях, требуемых общественными потребностями. Однако при ориентации производства на создание стоимости потребительная стоимость продукта является ее предпосылкой и ее роль ограничивается констатацией фактов: нужна продукция — она полезна, не нужна — ее полезность равна нулю. Оптимальное функционирование производства достигается при равенстве суммарных общественно необходимых затрат на производство продукции ее стоимости. В таком случае трудно выявить и оценить прогресс.

Иное дело при ориентации производства на потребительную стоимость, когда общественно необходимые затраты определяются по максимальному значению создаваемой потребительной стоимости. И здесь они сохраняют роль создающей инстанции, но не являются мерой полезности продукта. Они должны быть значительно меньше высвобождаемого труда, а поэтому принципом хозяйствования становится пра-

вило: труд по условиям производства должен быть меньше труда по условиям потребления.

По закону стоимости больший результат по сравнению с затратами можно получить лишь в виде увеличения прибавочного труда, но за счет такого же уменьшения необходимого в продукте. Эффективность в рамках закона потребительной стоимости выглядит по-иному: здесь больший результат, большая масса сэкономленного в производстве труда достигается за счет повышающейся эффективности факторов производства. Поэтому при распределении суммарного эффекта по факторам производства следует учитывать не только абсолютную величину затрат (как по теории стоимости), но и их эффективность и производительность.

Это подтверждается и теорией производственных функций, например теоремой Эйлера для однородной функции:

$$\sum_i \frac{\partial f}{\partial x_i} x_i = \alpha f(x_1, \dots, x_n),$$

выражающей суммарную полезность факторов через суммарный объем высвобождения. Так что распределение вновь созданной полезности по факторам, пропорциональное их вкладу, производительности, приобретает значение объективного закона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Долгов В. Г. Управление научно-техническим прогрессом: потребительно-стоимостные основы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 184 с.
2. Ельмеев В. Я. Воспроизводство общества и человека. М.: Мысль, 1988. 235 с.
3. Маркс К. Экономическая рукопись 1861 — 1863 гг. // Маркс К., Энгельс Ф.

Соч. 2-е изд. Т. 48. 683 с.

4. Пезенти А. Очерки политической экономии капитализма: В 2 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1976. 563 с.

5. Система экономического обеспечения качества продукции: Трудная теория потребительной стоимости: В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во стандартов, 1992. 623 с.

тизации 35 млрд фунтов стерлингов (50 млрд долларов).

Во Франции эти процессы развиты слабее. Государственные предприятия производят треть валового национального продукта, причем только 10 % служащих крупных, средних и мелких компаний получают свою долю прибыли фирмы на основе обладания акциями.

Напротив, анализируя процесс приватизации в Германии, можно отметить, что в настоящее время вклад государственного сектора в экономику ФРГ составляет около 10 % валового национального продукта, причем большинство рабочих (900 тыс. человек) получают свою долю при распределении прибыли на базе владения акциями. За 2,5 года (с 1991 до середины 1993 г.) в Германии осуществлена приватизация 2000 предприятий в области торговли и услуг, а приватизация крупных и средних предприятий (за небольшим исключением) должна быть завершена в 1994 г. Данный процесс происходил в форме снижения доли государства в смешанных государственно-частных компаниях путем предложения к продаже части государственных акций. Такая форма позволяла государству отступать постепенно, не допуская каких-либо потрясений, связанных с изменением структуры собственности. Кроме того, все государственно-частные компании акционерного типа функционируют по типу рыночных предприятий, то есть выступают как равноправные конкуренты частных компаний.

Если рассматривать страны Восточной Европы, то необходимо заметить, что после 1989 г. практически повсеместно были приняты специальные законы о частном предпринимательстве или свободной экономической деятельности, которые стимулировали процессы создания мелких частных предприятий и так называемой малой приватизации. Позже в большинстве стран были разрешены средние и крупные частные предприятия. Особый интерес представляет акционерная форма, которая в странах Восточной Европы

предстает в виде многочисленных комбинаций разных форм собственности (от индивидуальной и частной до государственной). К числу акционерных относятся и "народные предприятия", держателями акций которых являются члены трудовых коллективов (югославский вариант приватизации общественной собственности).

К акционированию госпредприятий ведет и чехословацкий вариант купонной приватизации. Из всех участвующих в приватизации объектов 65 % преобразовано в акционерные общества. В рамках большой приватизации предприятия передаются в частную собственность на основе индивидуальных проектов. Программы приватизации в Польше, Венгрии, Болгарии, Румынии осуществляются с использованием похожих механизмов. В настоящее время в этих странах завершена малая приватизация и интенсивно проводится большая.

Интересен опыт США, где широкое развитие получило участие трудящихся в собственности в форме размещения акций среди персонала. В 1989 г. в коллективной собственности находилось 11 тыс. американских предприятий с общим числом работающих 10 млн человек. Начало развитию процесса создания коллективной собственности было положено в 1974 г. с принятием закона о поощрении корпоративных планов распространения акций среди рабочих (ЭСОП). Суть ЭСОП в том, что за счет части прибыли, освобожденной от налогообложения, предприятие постепенно выкупается у его владельцев и делится между его работниками пропорционально трудовому вкладу. В корпорациях, практикующих ЭСОП, рабочие имеют в среднем до 35 % акций, в каждом шестом случае — до 50 %. В целом по стране акциями владеют более 40 млн человек, но в то же время половина акционерного капитала принадлежит всего 2 % семей.

На основе краткого обзора развития акционерной формы собственности в зарубежных странах можно провести определенную группировку. Предлага-

категорию переходности лексико-семантической характеристикой глагола, а его управление не синтаксической, а лексической связью, так как она реализуется не в предложении, а во фразе, т. е. в минимальной лексической относительно актуализованной синтагме. Представляется целесообразным присоединиться к мнению В. М. Байкеевой [3], которая считает явление переходности / непереходности глагола семантико-синтаксической категорией: семантической потому, что признаки (семы) переходности / непереходности заключены в самой семантике глаголов, в их лексико-семантических вариантах (ЛСВ), синтаксической потому, что реализация этих признаков происходит в структурной схеме предложения в зависимости от характера актантов при глаголе.

Позиция лингвистов в отношении содержания этой категории концентрируется вокруг проблем характера влияния лексического значения глагола и его синтаксического окружения на реализацию переходности / непереходности в самой глагольной единице.

"Переходность (транзитивность) связана с семантикой глагола, хотя и лежит на границе различных сфер грамматики", — читаем у Б. Ю. Нормана [11, с. 15]. Эту же точку зрения находим и у Л. Л. Буланина. "Переходность-непереходность непосредственно связана с семантикой глагола, а граница между переходными и непереходными глаголами стирается. На это указывают случаи употребления одного и того же глагола в переходном и непереходном значении" [5, с. 8]. Подтверждение сказанному находим в словаре активного усвоения лексики английского языка — *Active Study Dictionary of English* (London Group Limited)*: *She packed her bags and left.*

*Для иллюстрации примеров, уточнения и сравнения дефиниций выборочных глаголов использовались также словари: *The Shorter Oxford English Dictionary* (SOED); *Practical English Dictionary*; *The Advanced Learner's Dictionary of Current English* (A. S. Hornby); *Большой англо-русский словарь* (БАРС).

I'm leaving in an hour and I haven't packed yet!

Как видно из примеров, явление переходности / непереходности не является стабильным даже в пределах одного глагола.

В основе деления глаголов на переходные и непереходные лежит реальное отношение действия к объекту, а именно: глаголы, обозначающие процесс или действие, не связанное с каким-либо объектом, и глаголы, операционально направленные непосредственно на предметы внешнего мира и производящие в них те или иные изменения [2].

У переходных глаголов в силу характера семантики глагольной лексемы, ориентированной на объект, потенциально сохраняется способность сочетаться с именем, находящимся с глаголом в семантических комплементарных отношениях, независимо от того, выражена ли эта смысловая связь синтаксически прямым, косвенным или предложным дополнением [15]. Эти семантические особенности глагола находят свое отражение как в его внутренней (природной) структуре, так и в характере его синтаксической связи с другими словами.

Однако изучение глагола показывает, что нет параллелизма между лексическим значением переходности / непереходности и его синтаксическим выражением. Так, в сочетании *to jump over a land* налицо несоответствие, вернее, несовмещение синтаксической переходности и семантической непереходности. Этот глагол демонстрирует как прямую, так и косвенную синтаксическую переходность. Понятие "семантическая переходность" шире, чем "синтаксическая", предлагающая лишь грамматическую связь глагола с прямым или предложным дополнением, ибо семантически транзитивные глаголы могут быть синтаксически непереходными, и наоборот, синтаксическая переходность может вступать в противоречие с семантической непереходностью.

С. Д. Кашельсон видит необходимость "различать двоякого рода переходность — функциональную и формальную" [8, с. 50]. Действительно,

предполагает ли глагол *sing* наличие объекта или отсутствие *ego*? *Birds sing loudest in the early morning. The children were singing Christmas songs. I'll try and sing the baby to sleep.*

Некоторые лингвисты [7; 12] считают, что именно слабое управление дает возможность трансформации, а точнее, провоцирует переходный / непереходный аспект глагола: *to walk one hour, to walk long; to smile a rueful smile, to smile happily*, и только свойство сильных глагольных основ предсказать одну или несколько форм зависящего от них слова.

Объяснение этому лингвистическому явлению следует искать в высокой степени сочетательной потенции глагола, в его валентной способности создавать вокруг себя открытые позиции, которые должны заполняться партнерами с определенной семантической характеристикой, то есть сложный семный состав глаголов обладает внутренней дистрибуцией семантических признаков, указывающих на деятеля, объект, подвергающихся действию, а также инструмент действия или даже место действия [1; 4; 16].

Однако конкретная семантическая ценность глагола определяется его внешней синтагматической сочетаемостью с предметными или обстоятельственными словами. Следовательно, вопрос о глагольной переходности оказывается связанным с проблемой выделения актантов и сирконстантов в предложении, а также их взаимоотношений. Конечно, оппозиция субъекта и объекта носит фундаментальный характер, которым не обладают прочие отношения, ибо «субъектно-объектная модель *SVO* — одна из основных моделей английского языка, где чаще всего находит свое выражение отношение «человек-действие»» [6, с. 19].

Переходные глаголы в подавляющем большинстве случаев имеют одушевленный субъект. По подсчетам Н. В. Труханович, конкретное одушевленное существительное в функции подлежащего при транзитивном глаголе встречается в 91,52 % случаев [14].

Эти данные представляют для нас определенный интерес, ибо при анали-

зе соотношения переходности / непереходности в английских глаголах во главу угла мы ставим их актантно-сирконстантную дистрибуцию, так как в семантике глагольных лексем синтагматическая значимость превалирует над номинативной, что особенно характерно как для переходно-непереходных (ПНГ), так и для непереходно-переходных (НПГ) глаголов. Ведь ПНГ и НПГ возникают как раз в результате взаимодействия лексических и синтаксических параметров лексических единиц, а также в результате их специфических субъектно-объектно-сирконстантных отношений. Вот почему одной из основных причин, провоцирующих явление транзитивности / интранзитивности в глаголах является кардинальная трансформация в их субъектно-объектных отношениях.

Проследим это на примере: *They pack matches quickly. Matches pack quickly.* Переход объекта в позицию субъекта лишает глагол переходности. Транзитивные характеристики лексем заменяются интранзитивными. Модель $S_p + V \bar{K} \rightarrow O$ трансформируется в модель $S_{\bar{p}} + V \bar{K} \rightarrow D$ (где S_p — субъект действия — лицо; $S_{\bar{p}}$ — субъект действия — нелицо). Адвербиальная интенция справа доводит вновь образующуюся структуру предложения до семантического завершения.

Не только подлежащее и дополнение, но и обстоятельство может быть значимо для перевода транзитивного глагола в интранзитивный. Совершенно очевидно и то, что обстоятельства играют определенную роль в аспектуальной характеристике действия. Субъективизация объекта и ввод адвербиалия в правой части структуры вызывают изменения аспектуального характера глагола: действие превращается в состояние. Агентивный тип субъекта, сопровождающий действие, переходит в неагентивный, что характерно для состояний и процессов.

Приведем еще пример с глаголом *pack*, свидетельствующий в пользу значимости правосторонней интенции относительно адвербиалия для категории глагольной транзитивности / интранзитивности: *pack up for the day.* Пра-

восторонние индикаторы *up* и *for the day* ("прекращать какую-либо деятельность на один день") влияют на аспектуальные характеристики глагола, а следовательно, и на его транзитивность, а точнее, интранзитивность. Субъект действия (антропоним) не меняется, однако иной становится степень его активности.

Признак активности / неактивности субъекта влияет соответственно на дифференциацию действий, процессов и состояний, что неразрывно связано с аспектуальностью глагольной единицы. Поскольку сфера аспектуальных значений включает такие характеристики действий, как динамика или статика, длительность или мгновенность, то именно сфера аспектуальности высвечивает возможные связи глагола с различными актантами и сирконстантами, с их грамматическими характеристиками.

Наиболее обстоятельную картину взаимодействия глагольной единицы с левосторонними и правосторонними индикаторами невозможно получить без лексико-семантического анализа самого глагола. Кроме того, лексико-семантический анализ позволяет выявить взаимодействие значений лексического и синтаксического уровней в слове и приоткрыть таким образом завесу на вопросе переходности / непереходности глагола в его конкретных вариантах.

Проанализируем выборочно несколько лексических единиц ПНГ и НПГ. Количество первых в словарном составе английского языка гораздо больше, нежели вторых, поэтому в нашем анализе этим глаголам будет уделено больше внимания.

Широкозначный глагол *nip* "ущипнуть, щипать", "тяпнуть" (о собаке) относится к классу переходно-непере-

ходных глаголов: *A lobster nipped my toe while I was swimming.* Сема основного номинативного значения (ОНЗ) отражает физическое воздействие на организм путем сдавливания небольших участков тела, следовательно, предполагает наличие правостороннего актанта, испытывающего на себе "агрессивный" характер инициатора действия. Транзитивность основного номинативного значения налицо. *S* пропозиции представлен одушевленным субъектом. Модель

реализации $S \begin{matrix} P & \text{(лицо)} \\ \bar{P} & \text{(нелицо)} \end{matrix} \geq V \text{ и} - O.$

Сема ОНЗ служит базой для образования как переносных ЛСВ, так и оттенков разной семантической близости. Наиболее употребительный ЛСВ₂ представляет собой метафорический перенос с разной референтной соотношенностью. Значение развивается на основе периферийной семы (ПС), которая отражает физическое воздействие, ведущее к повреждению объекта. Расширение смысла происходит за счет компонентов, имплицитующих порчу, урон, нанесение ущерба, причинение вреда.

Актуализация данного смысла происходит в том случае, если в качестве агента активного действия выступают существительные со значением различных природных явлений (ветер, мороз, град, ураган). *Frost nipped the plants.* В приведенном примере семантическая и синтаксическая переходность не вступают в противоречие, так как в вышеуказанных значениях анализируемый глагол нуждается в объектной детерминации, требует правосторонних определителей для своей коммуникативной полноты. Иначе говоря, интенция справа как бы фиксирует транзитивность глагола.

ЛСВ₃ "задерживать" "останавливать", "пресекать" — *to nip the tide, to nip smth. in the bud.* ПС ЛСВ₂ становится ядерной семой (ЯС) данного варианта. Расширение значения происходит за счет компонента, смысловая нагрузка которого заключена в обозначении превентивного характера глагольного действия. Для актуализации ЛСВ₃ обязательным является ука-

* По данным А. А. Уфимцевой, с точки зрения переходности/непереходности английские глаголы распадаются на четыре структурных класса следующим образом: V_1 — переходные, 53 %; V_2 — переходно-непереходные, 10,9 %; V_3 — переходно-непереходные, 25,4 %; V_4 — непереходные, 10,7 %. Анализ проведен по SOED. Полученные нами цифровые данные в результате выборки глаголов по словарю А. Хорнби следующие: V_1 — 1509 единиц; V_2 — 458.

зависит на направленность действия на объект $S \frac{P}{P} - VI_1 - O$. Устойчивое сочетание *to nip smth. in the bud* имеет тенденцию к упрощению своей структуры за счет прямого дополнения, однако имплицитно оно присутствует в данной фразе постоянно. Реализация этого значения осуществляется в расширенном контексте.

ЛСВ₄ "сжимать, прищемлять", "затирать (судно льдами)" — *He nipped his finger in the door*. Данный вариант рассматривается в словаре Хорнби как основной, что, на наш взгляд, не дает точной дефиниции концептуального значения глагола. ЛСВ₄ представляет собой оттенок ОНЗ, расширяющий значение посредством семы грубого физического действия, отличающийся от архисемы (АС) референтной соотносительностью с долей абстракции — "затирать (судно льдами)". Модель реализации соответствует предыдущему варианту.

ЛСВ₅ отмечен словарями как жаргонный вариант, характеризующий задержание, арест. Надо полагать, что базой данного ЛСВ является ЛСВ₃. Появление же таких значений, как "украсть, стащить, стянуть", говорит о многоплановости ЛСВ₅.

Транзитивность сохраняется во всех рассмотренных вариантах глагола *nip* до тех пор, пока сохраняется традиционная сема физического воздействия. Как только указанная сема подвергается субституции на сему движения, происходят изменения в категории переходности.

ЛСВ₆ "быстро идти, торопиться", "удирать" является непереходным вариантом анализируемого глагола. *I'll nip out and buy a newspaper. Just nip up to the baker and get a loaf*. Базой развития ЛСВ₆ является ПС, имплицитная энергичность действий. В качестве субъекта выступает лицо. Правый актант указывает на локализацию действия $S_p - VI_1 - D$. Глагол реализует рассматриваемый вариант с послелогам *up, down, along, across, round*, что кардинальным образом изменяет значение лексической единицы.

Переходно-непереходный глагол *navigate* "плавать (на судне)" — *He was the first to navigate the Northern Ocean* имеет четыре ЛСВ разной смысловой близости. ОНЗ глагола транзитивное, если правый актант представлен циркулянтным дополнением. Левый показатель — персональный субъект.

ЛСВ₂ — "управлять (судном)". Развитие ЛСВ₂ обусловлено периферийной семой, отражающей возможность вести объект как в воде, так и в воздушном пространстве. В производном варианте смена смы ведет к изменению среды происходящего действия. Облигаторным правым актантом является прямое дополнение, выраженное конкретным существительным, обозначающим летательный или плавающий аппарат. Левым актантом является субъект, выражаемый в основном одушевленными существительными. Модель реализации ЛСВ₂ — $S_p - VI_1 - O$. Если S — неодушевленный и представлен автопилотом или компьютером (что бывает крайне редко), то эти экстралингвистические факторы не влияют на переходность глагола, так как активность агента действия не снижается. Интенция слева не замыкается на себе, а направляется к правому индикатору. Однако если правый индикатор не представлен в синтагматическом ряду, как видно из примера *Get in the car, I'll drive if you hold the map and navigate*, то синтаксически переходность, конечно, не реализуется, хотя семантически этот вариант остается переходным, а правый элемент легко восстанавливается мысленно.

ЛСВ₃ "проводить (мероприятие), направлять (переговоры)" — *to navigate a bill through Parliament*. Развитие ядерной семы производного ЛСВ происходит за счет метафоризации смысла. Значение данного варианта имплицитно проявляется проявлением внимания и заинтересованности в осуществлении какого-либо проекта или мероприятия, преодолевая при этом определенные трудности. В данном варианте сема движения абстрагируется, но транзитивность ЛСВ сохраняется до тех пор,

пока сохраняется смысловая глагольная направленность на объект.

ЛСВ₄ представлен значениями "брести, плестись" — *The fellow was hardly able to navigate*. Ядром данного ЛСВ становится ПС, указывающая на отсутствие четкости, уверенности в движениях субъекта действия. Этот вариант значения непереходный при условии отсутствия синтаксического объекта. Отсюда получает развитие американский разговорный вариант, обозначающий походку человека в нетрезвом состоянии. Внимание сосредоточивается на процессе, следовательно, вполне логично, что аспектуальная характеристика глагола сигнализирует о наличии интранзитивности в семном наборе ЛСВ₄.

Переходно-непереходный глагол *pag* "придираться" (к кому-либо), "изводить" (кого-либо) реализует основное номинативное значение только при S, выраженном персональным субъектом, поскольку концептуальное ядро ОНЗ имплицитно подразумевает постоянные нападки, моральное воздействие на кого-либо. Правосторонним актантом является либо прямое, либо предложное дополнение, отсутствие таковых переводит глагол в разряд непереходных: *She nagged at him all day long. She nagged him into doing what she wanted. I wish you'd stop nagging*. Но даже если первый индикатор в синтагме не представлен, он обычно подразумевается, то есть эксплицитная непереходность вступает в противоречие с имплицитной переходностью. Модели реализации глагола: S_p — V_т — prep — O, S_p — V_т — O — adv. Предлоги *at, into* лишь актуализируют рассматриваемый вариант.

НПГ (V_т) имеют в своей семантической структуре гораздо больше транзитивных сем, нежели интранзитивных, что и определяет их мобильность, высокий дистрибутивный потенциал относительно оппозиционно-структурного класса НПГ (V_т). Этот вывод позволяет детально изучить компонентную организацию лексического значения исследуемых классов глагольных единиц.

Признание иерархической организации компонентов значения позволило лингвистам заглянуть в тайны сложнейшего механизма — строения семантической структуры слова. Намышшая сема в общей иерархии сем соответствует понятийно-категориальному содержанию части речи [13]. Следовательно, для глагола это — сема процессуальности, что в свою очередь соотносится с аспектуальной характеристикой действия, конкретная часть которого определяется иерархически нижними лексическими семами индивидуального значения каждой единицы. Если сему высшего порядка отличает высокая степень абстракции, то для лексической семы низшего порядка характерна конкретность. Именно наличие этих двух сем высвечивает переходность и непереходность у глагола.

Снова обратимся к лексико-семантическому анализу глаголов. Непереходно-переходный глагол *nod*, называя действие коммуникативного характера, одновременно характеризует и носителя этого действия. В значении "кивать головой" (ОНЗ) агентом действия может быть существительное, обозначающее только лицо: *I asked her if she was ready to go and she nodded. She nodded her head when she passed me in the street*. Дифференциальные семы "согласия" (в первом предложении) и "приветствия" (во втором) не влияют ни на аспектуальность действия, ни на интенциональный рисунок всего предложения: действие исходит от персонального субъекта — агента действия и направляется к персональному объекту — перцептиву; меняется только класс глагола — "коммуникативный" на класс "поведения и отношений между людьми".

ЛСВ₂ этого глагола означает "клевать носом, дремать" — *I nodded off in the meeting and didn't hear what was said*. Данный вариант реализуется посредством дополнительной семы основного значения, указывающей на неглубокий сон из-за неудобного сидячего положения. Поскольку значение глагола отражает процесс сна, то в ка-

честве обязательного левого актанта может выступать только персональный субъект.

Этому варианту глагола под "суждено" быть интранзитивным, так как интенция глагольного действия со стороны субъекта как бы замыкается на самом субъекте, а адвербиальный показатель справа окончательно формирует семный состав нового понятийного смысла в структуре вторичного наименования, отражая статический характер действия. Неактивность, неодушевленность левого актанта, неопределенность в характеристике действия, выраженного этим глаголом, интенция правосторонних индикаторов (как актантов, так и сирконстантов) влияют как на переходность, так и на видовую характеристику глагольной единицы, вызывая тем самым активизацию архисемы ОНЗ, указывающей на отклонение предмета от первоначального (вертикального) положения. Например: *Flowers were nodding in the wind.*

Образовавшиеся на базе ОНЗ глагола лексико-семантические варианты (ЛСВ₃) имеют разную референтную соотносительность и обозначают "качаться, наклоняться" (о деревьях, плюмаже и т. п.).

На основе нового ЛСВ₄ "покошиться, грозить обвалом" (о здании и т. п.) при метафорическом переносе значения образуется устойчивая фраза "быть на краю гибели": *The empire was nodding to its fall.* Несомненно, что интенция справа в приведенных примерах (ЛСВ₂, ЛСВ₃, ЛСВ₄) делает высказывания более совершенными и логически завершенными, тем не менее именно интенциональность левосторонних актантов, их активность или пассивность, одушевленность или неодушевленность соответствующим образом влияют на расширение понятийного смысла анализируемого глагола, а следовательно, на его транзитивность. Ведь "интенция", будучи лексико-грамматической категорией, сказывается на валентности глагола, поскольку она лежит в его основе, предопределяет ее в общих чертах [9]. Набор правых актантов при глаголе под

представлен ограниченным числом относительно постоянных компонентов; например: *head* — для транзитивного варианта ОНЗ. Отсутствие правого актанта переводит глагол в синтаксически непереходный, хотя его семантическая переходность в этом значении остается.

С семасиологической точки зрения при метафорических переходах типа ЛСВ₄ в семантической структуре слова появляется новая ядерная сема, прежняя же превращается в периферийную. Подобный семантический сдвиг характерен как для переходно-непереходных глаголов, так и для непереходно-переходных, ибо это языковое явление определяется как особенностью отдельно взятой лексической единицы, так и системой языка в целом.

Поскольку семантический сдвиг или лексическое расщепление глагола часто свидетельствует об изменении его валентности, логично утверждать, что явление переходности / непереходности также заложено в природной основе глагола и реализуется или не реализуется в синтагматическом ряду в зависимости от многочисленных факторов, среди которых аспектуальная характеристика действия и интенциональность левосторонних и правосторонних индикаторов.

Так что же такое переходность / непереходность в глаголах современного английского языка?

Мы считаем, что эта лингвистическая оппозиция определяется внутренними потенциями глагола, его интенцией справа и слева, валентностными особенностями, аспектуальной характеристикой глагольного действия, системой языка в целом, а также экстралингвистическими факторами, влияющими на семантику глагольной единицы.

Переходно-непереходные, непереходно-переходные — это так называемые гуттаперчевые глаголы, соединившие в себе потенции двух структурных классов (переходных и непереходных) и чутко реагирующие на лингвистические реалии, принимая при этом необходимые им функционально-грамматические характеристики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апресян Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973. С. 279 — 325.
2. Арбатский Д. И. Переходные и непереходные глаголы в русском языке // Исследования по семантике. Уфа. 1980. Вып. 6. С. 199 — 222.
3. Байкеева В. М. Семантические параметры непереходных глаголов современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1986. 217 с.
4. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 204 с.
5. Буланин Л. Л. Залог как грамматическая категория // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1976. С. 8 — 86.
6. Варшавская А. И. Семантика агентивности и антропоцентричности английского предложения // Трёхаспектность грамматики (на материале английского языка). Спб., 1992. С. 18 — 27.
7. Иорданская Л. Н. Два оператора для обработки словосочетаний с "сильным управлением" (для автоматического синтаксического анализа) / Ин-т языкознания АН СССР. М., 1961. 33 с.
8. Кашнедьсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
9. Мразек Р. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классов // Вопр. языкознания. 1964. № 3. С. 50 — 54.
10. Музык А. М. О синтаксической семантике и методах ее изучения // Проблемы лексической и грамматической семантики английского и других языков: Сб. науч. тр. Тула, 1976. С. 55 — 63.
11. Норман Б. Ю. Переходность. Залог. Возвратность. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1972. 130 с.
12. Почепцов Г. Г. О принципах синтагматической классификации глаголов // Филол. науки. 1969. № 3. С. 65 — 69.
13. Степанова М. Д., Хельбик Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М.: Высш. шк., 1978. 256 с.
14. Труханович Н. В. Синтаксическое функционирование подклассов имени существительного (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 20 с.
15. Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семнологического описания лексики / АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1986. 239 с.
16. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 280 с.

+++++

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

М е д и ц и н а

=====

АКТИВНОЕ ХИРУРГИЧЕСКОЕ ЛЕЧЕНИЕ ТЯЖЕЛЫХ БОЛЬНЫХ С ГЛУБОКИМИ ОЖОГАМИ КОЖНЫХ ПОКРОВОВ

Н. И. АТЯСОВ, доктор медицинских наук

После выведения тяжелых больных с глубокими (III б — IV степени) ожогами кожных покровов и глубжележащих тканей из состояния шока и острой ожоговой токсемии выздоровление может наступить только при восстановлении оперативным путем утраченного кожного покрова. У больных с обширными (более 20 % поверхности тела) глубокими поражениями это оказалось осуществимо при использовании разработанного нами метода, получившего

название "Система активного хирургического лечения тяжелообожженных" (авт. свид. 58173, 1966)*. Он включает совокупность комплексных лечебных мероприятий, позволяющих закрывать даже очень обширные послеожоговые раневые поверхности свободными кожными трансплантатами,

* Этот метод Всероссийским ожоговым центром (г. Нижний Новгород) выдвигается на Государственную премию 1994 г.

взятыми дерматомом с неповрежденными участками, в предельно сжатые сроки, чтобы опередить темп развития необратимых изменений в организме. С целью успешного решения этой сложной задачи по нашей инициативе в Нижегородском, Мордовском республиканских ожоговых центрах и на кафедре общей хирургии медфака Мордовского университета проведены многолетние целенаправленные углубленные исследования в объеме 42 диссертационных (из них 7 докторских) работ, представленных в библиографическом списке.

Прежде всего, было установлено, что форсированное восстановление кожного покрова у тяжелообожженных может быть успешно осуществлено только при интенсивном общем лечении на фоне инфузионной терапии во все стадии ожоговой болезни, вплоть до выписки из стационара [3, 5, 22]. Раннее переливания считались целесообразными лишь в первые дни после тяжелых ожогов, при лечении шока и острой ожоговой токсемии [2, 4]. Частые переливания с учетом тяжести пострадавших всех возрастных групп [2], вплоть до ежедневных у крайне тяжелых больных, оказались необходимыми в первые два месяца после ожога [12, 37], в период выполнения программы ускоренного восстановления кожного покрова [2, 5, 27]. Переливания цельной крови как основного компонента жидкостного лечения, а также кровезаменителей направленного действия были наиболее эффективными, если начинались в ранние сроки [4, 22, 40]. В поисках заменителей донорской крови была установлена целесообразность использования фибринолизной (кадаверной) крови и плазмы из-за фибринолитической активности и ряда других важных достоинств [13, 26].

Дозировки трансфузионных сред, темп и последовательность их введения определялись под контролем состояния сердечно-сосудистой системы [19, 41], динамики кислотно-основного состояния крови [17], функции почек [15] и др.

При невозможности повторных вливаний в просвет подкожных магистральных вен разработаны методы инфузий в венозное русло костей [1, 3, 5]. Перспективными оказались и вливания в венозное русло печени через реканализированную пупочную вену, оказывающие многостороннее лечебное действие [25]. Установлено, что при трансфузиях в венозное русло костей и печени проявляется эффект "биологического фильтра", исключающий опасность грозных легочных осложнений в результате образования микротромбов крови [5, 25, 27]. На фоне целенаправленной инфузионной терапии, повышающей ослабленную реактивность организма, сократились (на 1 — 2 недели) сроки спонтанного отторжения некротических струщев, очищения ожоговых ран и их подготовки к началу оперативного лечения. Это объясняется оживлением репаративных процессов в ране, что подтверждается клинически [24] и методом электронной микроскопии [34].

В результате стало возможным ограничить показания к раннему иссечению омертвевших тканей [36] или их расплавлению ферментами и некоторыми химическими агентами [16, 38]. Кроме травматичности они имеют и ряд других недостатков, ограничивающих их применение, а главное, почти не сокращают сроки предоперационной подготовки.

Специфической чертой хирургии обширных глубоких ожогов является необходимость повторных (этапных) пересадок кожи ввиду невозможности восстановления утраченного кожного покрова в один прием из-за опасности тяжелого операционного шока и развития синдрома дефицита кожи как органа после взятия ее в большом объеме с неповрежденных участков тела. Нам удалось достичь существенного выигрыша времени за счет ставшего возможным на фоне интенсивной инфузионной терапии сокращения на 5 — 7 дней интервалов между повторными пересадками кожи. В ускорении местной подготовки ран к пересадке кожи и надежном обеспечении неос-

ложненного заживления ран донорских мест в короткие (до 2 недель) сроки немаловажное значение имеют введенные нами в лечебную практику ежедневные перевязки [18], обеспечение ювелирной техники взятия дерматомом расщепленных до необходимой толщины кожных трансплантатов и предупреждение местной гнойной инфекции, исключающие необходимость закрытия незаживающих ран донорских участков оперативным путем. Следует стремиться к более рациональному использованию ресурсов неповрежденной кожи [18]. Только при соблюдении указанных условий допустимы довольно рискованные у тяжелых больных повторные операции через очень короткие, по жизненным показаниям, промежутки времени.

Успех активной хирургической тактики во многом зависит от тщательной местной подготовки ожоговых ран к кожной пластике с использованием в борьбе с бактериальной обсемененностью всех известных средств, особенно детергента "Новость" [23], антибактериальных препаратов в аэрозольной упаковке [24], а также влажно-высыхающих повязок, в том числе зарубежных фирм. При этом оказалось, что пересаживаемые на раны с полноценными грануляциями расщепленные (до половины толщины, поэтому лишенные возможности сокращаться) кожные лоскуты плотно прилипают к ним. В результате почти полностью отпала необходимость в их дополнительной фиксации к краям ран и между собой, поэтому в 2 — 3 раза сократилась продолжительность операции, а следовательно, и время пребывания тяжелых больных под наркозом, что крайне желательно при повторных частых операциях.

Мы также убедились, что восстановление кожного покрова происходит тем успешнее, чем за меньшее число операций оно осуществлено. Пересадки кожи, особенно с длительными интервалами, не говоря о взятой от других лиц, приводит к прогрессивному усилению аутоиммунных процессов [20, 33]. С каждой последующей опе-

рацией ухудшаются условия приживления вплоть до расплавления ранес пересаженных кожных лоскутов. Поэтому так необходимо закрытие даже очень обширных гранулирующих ран за минимальное число (до 3 — 4) повторных пересадок. Последнее стало возможным за счет предложенного нами способа максимального увеличения объема каждой последующей операции по мере прогрессивного улучшения состояния тяжелых больных вследствие постепенного уменьшения остающихся незакрытыми участков гранулирующих ран.

В связи с возрастанием риска операционного шока по нашему предложению был разработан метод активного его предупреждения превентивным дробным нагнетанием жидкостей в наиболее травматичные моменты операции на фоне непрерывной капельной внутривенной инфузии [35].

Особое значение имеет выбор рациональных способов общего обезболивания и высокая техника его выполнения. При повторных непродолжительных операциях с короткими промежутками и частых перевязках обычно достаточны щадящие методы аппаратного масочного наркоза [7, 11]. Только у крайне тяжелых больных показан более сложный эндотрахеальный наркоз, позволяющий проводить реанимационные мероприятия на операционной столе [8].

Кроме изложенных выявились и другие достоинства активной хирургической тактики. Впервые стало возможным не только почти полностью отказаться от вынужденных пересадок донорской кожи, но и успешно закрывать обширные поверхности гранулирующих ран цельными кожными лоскутами крупных размеров, уложенными вплотную друг к другу [32]. Это позволяет добиваться выздоровления с хорошими функциональными (при ожогах в области суставов) и косметическими результатами [32]. При циркулярных ожогах грудной клетки удается избежать ограничения усиливающих гипоксию дыхательных экскурсий, вызываемых рубцеванием гра-

нуляций в промежутках между кожными лоскутами, особенно мелких размеров (при других способах пластики [9], включая и довольно широко применяемую пластику сетчатыми (в виде бредня) трансплантатами) [29].

Следует отметить, что успех системы активного хирургического лечения во многом зависит от современного комплексного лечения, симптоматической медикаментозной терапии, рационального питания, тщательного ухода и последующей реабилитации. Она оказалась успешно осуществимой не только в условиях ожоговых центров, но и в общехирургических отделениях больниц Смоленска [42], Донского [27], Грозного [10] и других городов. Примененный у более 3000 больных, метод позволил резко снизить смертность, показать возможность выздоровления многих крайне тяжелых больных с глубокими ожогами до 75 % поверхности тела, ранее считавшихся обреченными, улучшить результаты и сократить в 2 — 3 раза сроки лечения, уменьшить инвалидизацию пострадав-

ших, что имеет большое социально-экономическое значение [14, 31]. Немаловажно, что применение метода, ознаменовавшего новый этап в лечении тяжелообожженных, привело к исчезновению синегнойной инфекции — грозной опасности ожоговых центров мира.

В настоящее время сотрудниками кафедры общей хирургии Мордовского университета проводятся исследования по использованию метода при комбинированных (ожог на фоне обескровливания) поражениях, частых при экстремальных ситуациях. Об его эффективности, патофизиологической обоснованности свидетельствуют и комплексные экспериментальные исследования: лимфодинамики [28], микроциркуляции [6], функции печени [21], почек [30], поджелудочной железы [39] и др.

Указанный метод в 1974 — 1993 гг. получил известность и за рубежом (Гавана, София, Будапешт, Прага, Барселона, Тель-Авив, Берлин, Варна).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акулов М. С. Внутрикостный путь введения мышечных релаксантов при травматолого-ортопедических операциях у детей: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1981. 19 с.
2. Амишев В. А. Особенности лечения ожогов у лиц пожилого и старческого возраста: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Куйбышев, 1980. 21 с.
3. Аношкин Н. К. Локальные изменения в костной ткани после внутрикостных струйных вливаний крови и лекарственных растворов: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1972. 12 с.
4. Аралбаев Т. А. Ожоговая болезнь в условиях высокогорья и принципы ее инфузионной терапии: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1986. 31 с.
5. Атысов Н. И. Внутрикостный путь вливаний в травматологии и ортопедии: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Горький, 1965. 33 с.
6. Вегоулов И. В. Эффективность методов восполнения кровопотери при комбинированном поражении (ожог и острая кровопотеря): Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Минск, 1986. 20 с.
7. Бриль Э. В. Влияние наркоза на активность холинэстераз крови у обожженных в стадии септикотоксемии: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Харьков, 1982. 23 с.
8. Бутрова К. П. Общее обезболивание при активной хирургической тактике у ожоготых больных: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1969. 17 с.
9. Верещагина Е. С. Клинико-физиологическое обоснование методики оперативного лечения

- глубоких ожогов грудной клетки у детей: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Горький, 1988. 16 с.
10. Галустов Г. Н. Опыт организации активного хирургического лечения обожженных в Чечено-Ингушской АССР: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1976. 21 с.
11. Горбунов С. Н. Кислотно-щелочной баланс крови и внешнее дыхание у обожженных в дооперационном периоде и при ингаляционном аппаратно-масочном наркозе: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Горький, 1975. 18 с.
12. Гузев В. А. Трансфузионная терапия тяжелообожженных больных: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Атыш-Ата, 1971. 48 с.
13. Денисов В. М. Переливание кававерной крови больным с обширными глубокими ожогами: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Оренбург, 1967. 18 с.
14. Дмитриев Г. И. Реконструктивно-восстановительная хирургия в системе медицинской реабилитации больных с последствиями ожога: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Пермь, 1986. 32 с.
15. Ждаков Ю. Д. Ганглионарная блокада в профилактике и лечении функциональной почечной недостаточности в раннем периоде ожогового шока: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Иваново, 1974. 15 с.
16. Иудина К. А. Разрушение белков ожогового струпа протеиназами животного происхождения: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Горький, 1970. 24 с.
17. Карпушин А. А. Кислотно-щелочное со-

состояние крови после ожоговой травмы и динамика его при комплексном лечении ожоговой болезни: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1971. 16 с.

18. Киселев С. И. Значение донорских ресурсов кожи в выборе рациональной хирургической тактики у больных с глубокими ожогами: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Рязань, 1971. 17 с.

19. Клевцова Т. И. Функциональное состояние сердечно-сосудистой системы у обожженных: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1989. 15 с.

20. Кораблев С. Б. Экспериментальное изучение развития аутоиммунных реакций и влияние их на приживаемость трансплантата при многократной аутопластике кожи: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Новосибирск, 1988. 22 с.

21. Котлов И. С. Внутрисосудочное кровообращение и некоторые функции печени при ожоге, осложненном кровопотерей, и различных путях ее восполнения: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Горький, 1986. 20 с.

22. Крыжановская Н. А. Изменения периферической крови и микромозгового кровообращения у больных с глубокими ожогами под влиянием интенсивной трансфузионной терапии: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1972. 21 с.

23. Куприянов В. А. Антибактериальная подготовка гранулирующих ран ожоговых больных к аутодермопластике: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1972. 15 с.

24. Куприянова Т. С. Аэрозольная терапия ожоговых ран антибактериальными препаратами: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Иваново, 1975. 22 с.

25. Лазарев В. А. Патогенетическое обоснование регионарной (интравенбификальной) инфузионно-трансфузионной терапии у тяжелообожженных: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1988. 33 с.

26. Левин Г. Я. Гемоклагулирующие свойства и клиническое применение плазмы и тромбоцитов кадаверной крови: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1977. 31 с.

27. Матчин Е. И. Активная хирургическая тактика при лечении глубоких ожогов в условиях Дижской периферической больницы Тульской области: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Рязань, 1975. 17 с.

28. Махров В. И. Лимфодинамика и биохимические изменения крови и лимфы при ожоге с кровопотерей и различных путях ее восполнения: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1986. 19 с.

29. Огольцова В. А. Клинико-морфологиче-

ские результаты восстановления кожного покрова сетчатыми трансплантатами у тяжелообожженных: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Харьков, 1982. 16 с.

30. Окунев Н. А. Функция почек при ожоге, осложненном острой массивной кровопотерей, и различных путях ее восполнения: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1985. 18 с.

31. Пахомов С. П. Активное хирургическое лечение обширных глубоких ожогов: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1971. 19 с.

32. Пономарева Н. А. Методики и функциональные результаты лечения глубоких ожогов плечевых суставов: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Ярославль, 1968. 18 с.

33. Пылаева С. И. Динамика ряда показателей неспецифической иммунологической реактивности в процессе ожоговой болезни на фоне комплексной терапии: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Горький, 1972. 19 с.

34. Сидоркин В. Г. Электронно-микроскопическое изучение фибробласта в заживающей ране: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Горький, 1979. 21 с.

35. Соколов Э. Р. Профилактика операционного шока у ожоговых больных при активной хирургической тактике: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Челябинск, 1969. 15 с.

36. Соколов Л. Н. Различная свободная кожная пластика при глубоких ожогах: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Горький, 1964. 12 с.

37. Тарасова Л. Ф. Гемотрансфузионная терапия при ожоговом истощении у детей: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Иваново, 1972. 14 с.

38. Тюкина А. А. Экспериментальное обоснование и клинический опыт некротической терапии глубоких ожогов: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Горький, 1973. 34 с.

39. Чистяков С. И. Изменения протеолитической активности крови при кровопотере на фоне ожога и некоторые пути ее коррекции: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Нижний Новгород, 1991. 17 с.

40. Шереметьев Ю. А. Патогенетическая роль протеолитических ферментов в развитии ранней ожоговой анемии и пути ее коррекции: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1980. 20 с.

41. Шифрина Г. А. Функциональное состояние сердца у обожженных: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Иваново, 1971. 17 с.

42. Якушев С. Я. Опыт активного хирургического лечения обожженных в условиях городской больницы: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Смоленск, 1974. 18 с.

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

УЧЕБНЫЙ ОКРУГ: НОВАЦИИ И ТВОРЧЕСТВО

Рубрика "Учебный округ: новации и творчество" открыта в связи с созданием при Мордовском университете Регионального учебного округа. Ее назначение - публикация наиболее важных материалов по вопросам научно-методической работы и творческого сотрудничества его

следовательские группы по специальностям: история, обществознание (философия, политология, социология), методика и прикладные исследования.

Содержание работы секции определяют основные направления ее деятельности: во-первых, научно-исследовательское, представленное прежде всего учеными Мордовского университета и пединститута; во-вторых, учебно-методическое, работа которого обеспечивается совместными усилиями преподавателей вузов, техникумов, колледжей, школ, организаторами народного образования. В рамках этих основных направлений осуществляется конкретная работа секции: консультативная помощь учителям истории и обществознания; проведение прикладных исследований и тестирование учащихся и студентов; обсуждение учебно-методических материалов, планов и программ, рецензирование учебных пособий, разработка и внедрение оригинальных методик преподавания.

В составе секции постепенно формируется сильное философско-социологическое направление, представленное в первую очередь обществоведческими кафедрами университета, пединститута, НИИ региональной, ИПК работников образования. Перед этими научно-методическими группами стоят не только теоретико-методологические, но и прикладные задачи — организация и проведение социологических исследований в учебных заведениях республики по профилю секции.

Вполне понятно, что успех всякого дела во многом зависит не только от организованности и компетентности исполнителей, но и от их личностных качеств: обязательности и ответственности, нравственной позиции. Активно

включились в работу секции историки Мордовского университета Н. М. Арсентьев, заместитель декана исторического факультета, доценты Н. В. Заварюхин, Л. М. Кичев, руководитель методического объединения учителей истории и обществоведения Л. Н. Деркова, заведующий методическим кабинетом городского управления народного образования З. К. Полкова.

Важным направлением работы секции является воспитание гражданственности и патриотизма. Отказ от монондеологии автоматически не снимает проблем идейности, духовности, нравственности. Их актуальность только возрастает на каждом новом повороте истории. Воспитание гуманизма, уважительного отношения к прошлому своего народа, национальной толерантности невозможно без истинно научного знания. Многие здесь зависят от творчества преподавателя, его нравственной позиции. "Переписывание" истории по своему усмотрению, искажение и передергивание фактов, конъюнктурное комментирование событий или элементарное их замалчивание — далеко не полный перечень средств из арсенала идеологического манипулирования общественной памятью народа. Надо всегда помнить о том, что невозможно построить новую Россию без знания подлинных истоков духовности и самобытности народов, ее населяющих, а фарисейское глумление и ерничанье над прошлым великой страны является преступлением перед настоящим и будущим поколениями. Воспитание историей — единственно возможное средство возрождения многонациональной России. В этом видят свой долг профессионалы, объединенные в научно-методической секции.

ставление о выполняемых ими задачах и функциях.

Интересен опыт заключения трехсторонних договоров о сотрудничестве, который мы практикуем со школой № 38. В нем наряду с экономическим факультетом университета и школой участвует акционерная страховая компания "Уверенность". Смысл такого сотрудничества в том, что третья сторона выступает спонсором программы бизнес-класса, факультет же обязуется направлять своих выпускников на работу в спонсорскую организацию. Выгоды такого сотрудничества налицо. С одной стороны, это финансовая поддержка школе, с другой — обеспечение социальной защиты молодым специалистам — выпускникам факультета в виде представления им гарантированного места работы.

Есть в нашей деятельности нерешенные задачи и проблемы. Важной задачей, над решением которой в настоящее время работает наша секция, является издание учебно-методической литературы. Мы задумали выпуск фундаментального учебного пособия из шести частей и планируем, что к лету 1994 г. будет выпущена 1-я его часть — "Предпринимательство" (авторы Н. П. Макаркин, Н. Д. Гуськова, Е. А. Неретина).

Требует решения проблема оптимизации оплаты труда преподавателей, так как она не соответствует тем затратам, которые необходимы для подготовки и проведения занятий и их адаптации к уровню восприятия школьниками. Немаловажной проблемой является дальнейшая судьба наиболее одаренных и подготовленных школьников, окончивших бизнес-класс. Дело в том, что они, безусловно, лучше других абитуриентов разбираются в экономических категориях и экономической практике. Они в течение двух лет проверяют правильность своего выбора — стать либо менеджером, либо бухгалтером, либо банковским служащим. Однако им предстоит сдавать вступительные экзамены на общем основании. На наш взгляд, здесь должны быть предусмотрены соответствующие льготы.

Преподаватели экономического факультета и члены секции экономического образования считают, что им удалось найти формы сотрудничества со школой, соответствующие лучшим стандартам. Особую активность в развитии такого сотрудничества проявляют директор школы № 38 В. В. Лисицын и завуч школы № 36 А. А. Абрадина.

XX
РАЗВИВАЯ ТВОРЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

М. М. ГОЛУБЧИК, руководитель секции географического образования

Формирование состава научно-методической секции географического образования Учебного округа и основных направлений в ее деятельности определялось многолетним сотрудничеством коллектива географического факультета Мордовского университета с органами народного образования, учительством Мордовии, и прежде всего учителями географии, в большинстве своем выпускниками факультета.

Развиваются традиционные направления деятельности преподавателей и сотрудников географического факультета в системе "вуз — школе"

1. Активная и разнообразная работа на курсах учителей, организуемых Мордовским РИПКРО, в семинаре учителей географии школ г. Саранска; индивидуальные консультации учителей и учащихся школ, постоянные контакты с выпускниками факультета и т. п.

Значение этого направления определяется прежде всего динамичностью содержания среднего географического образования, обусловленной глубокими преобразованиями в мировом политическом и социально-экономическом развитии, в особенности в жизни бывшего Советского Союза и современной Российской Федерации.

2. Собственно преподавательская работа ученых факультета в школах Саранска (включая гимназии и лицей), введение программных учебных предметов по географии, факультативов, работа в классах интенсивного обучения, малой школьной академии, консультации для выпускников школ и т. д. Так, по состоянию на начало 1994 г., в школах столицы Мордовии работали В. Н. Пресняков (гимназия № 12 и школа № 25), Н. А. Кильдишова (гимназия № 12), М. М. Голубчик (школы № 5 и 36), А. М. Носонов (школа № 14 — национальная гимназия), В. П. Ковшов (школа № 7 с экологическим уклоном) и другие преподаватели. Именно эта форма работы дает возможность работникам университета по-настоящему окунуться в актуальные проблемы школьной географии и получить от своих учеников в школах то, что называется "обратной связью", чрезвычайно необходимой для совершенствования университетского географического образования.

3. Организационно-методическая работа членов секции и их коллег, заключающаяся в подготовке методических материалов, документов для аттестации учителей географии, профориентационная работа в школах республики, участие в работе педагогических конференций, педсоветов средних учебных заведений, совещаниях директоров и завучей школ и т. д. Представляется очень важным приобщение преподавателей вузов, учителей школ, работников органов образования к богатейшему педагогическому опыту, замечательным творческим достижениям, которые концентрируются в ведущих институтах Российской Академии образования и педагогических вузах Москвы и Санкт-

Петербурга. В качестве примера хочется привести участие учителя географии школы № 5 г. Саранска Л. В. Голубчик и профессора Мордовского университета М. М. Голубчика в работе Общероссийской научно-практической конференции "Обновление школы и проблемы повышения квалификации педагогов" (Санкт-Петербург, октябрь 1993 г.), что позволило им не только изучать огромный опыт инновационной деятельности учителей России, но и использовать его в постановке собственного интегрированного учебного курса (на основе авторской программы) и передать этот опыт другим учителям путем участия в заседаниях педсоветов, в совещаниях завучей школ Саранска и т. п.

4. Подготовка учебных изданий и научно-популярной литературы для учителей и учащихся. Так, в Мордовском книжном издательстве были изданы и нашли широкое применение в школьной практике "География Мордовской АССР: учебное пособие для учащихся 7 — 8 классов" (1986 г.; авторы: М. М. Голубчик, В. П. Нарезный, А. И. Салищев) и "География моей республики: книга для чтения по географии Мордовской ССР (для 7 — 8 кл.)" (1990 г.; авторы-составители: М. М. Голубчик, В. Н. Пресняков, В. П. Нарезный). Внедрение этих книг в практику изучения географии республики в школах Мордовии подкреплено использованием подготовленных В. Н. Пресняковым контурных карт и заданий для самостоятельной работы по географии Мордовии и набора черно-белых карт, раскрывающих основные черты физической и экономической географии нашей республики (при отсутствии соответствующего школьно-красочного атласа). Повышению научно-педагогической квалификации учителей способствует также использование учебных пособий, изданных в Мордовском университете для студентов географических специальностей.

Однако большой творческий потенциал ученых-географов и их коллег в учительской среде используется явно

ределить долговременную тенденцию развития характера и специфики аграрных отношений, а также положение различных национальных групп и категорий крестьянского населения Мордовии в условиях становления и развития крепостного права.

Обращает на себя внимание широкая источниковая и историографическая база исследования. Монография базируется на использовании большого количества впервые привлекаемых архивных материалов более чем из 50 фондов центральных и местных учреждений, различных архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Пензы и других городов. Архивные источники с учетом их специфики правомерно разделены на 5 групп и подвергнуты тщательному источниковедческому анализу (с. 5 — 12). Отчасти привлечены и опубликованные материалы. Дан сжатый историографический обзор обозначенной проблемы (с. 3 — 5).

Представленный материал последовательно и стройно изложен в 17 логически связанных между собой очерках, где обстоятельно рассмотрены численность крестьян, динамика изменения их национального состава, размещение русского, мордовского, татарского населения; формы землевладения и землепользования, виды и особенности аграрных отношений, феодальной ренты в период распространения и укрепления феодально-крепостнических отношений в одном из национальных районов Поволжья, интенсивно осваивавшихся и заселявшихся в XVI — начале XVIII в. Важное место уделено конкретизации разнообразных форм укрепления экономических, бытовых и других связей народов Поволжья, места русского народа в этом процессе; выявлению роли мордовского региона в экономике России и во внутренней политике самодержавия.

В первых двух очерках исследования, озаглавленных "Социально-экономическое и политическое развитие мордовской земли в период средневековья" (с. 12 — 25) и "Мордовия в XVI — XVII вв." (с. 26 — 47), автор, опираясь на широкий круг разнообразных источников и литературу, утвер-

ждает, что уже в начале II тысячелетия н. э. происходил процесс складывания единой мордовской народности" (с. 14) и стали оформляться государственные образования: у мокши — в бассейне Мокши и Верхнем Присурье во главе с князем Пурешом, у эрзи — в Окско-Сурском междуречье во главе с князем Пургасом (с. 15).

Приводимые в книге данные убеждают в том, что основным хозяйственным занятием мордвы до монгольского нашествия являлись земледелие и животноводство, дополняемое охотой, рыболовством и другими видами деятельности. По мнению Н. В. Заварюкина, нашествие Батые привело к тому, что "южномордовские земли практически обезлюдели" (с. 15). В то же время тезис автора о том, что "в период расцвета Золотой Орды мордва достигла определенных успехов в развитии экономики, стабилизации рынка, совершенствовании социальных отношений" (с. 15), а "мордовские земли" являлись одной из житниц "ордынского государства" (с. 20), нуждается, на наш взгляд, в аргументации с привлечением новых данных.

Очередной этап в жизни народов Восточной Европы, в том числе мордвы, по мнению автора, начался с конца XIV в. В это время укрепляется русская великокняжеская власть на мордовской земле (с. 21), а "вхождение мордовских земель в состав Московского княжества в 1392 — 1393 гг. было окончательным и бесповоротным" (с. 24).

Во втором очерке автору удалось показать характерные особенности становления и развития российских государственных структур в Мордовии, максимально приближенных к центральным. Н. В. Заварюкин привел убедительные данные, свидетельствующие о том, что в XVI — XVII вв. мордовские земли в связи с экспансией феодалов стали быстро превращаться в район преобладания русского крепостного крестьянства. И не удивительно, что такого большого числа поместий, как в мордовском регионе, не было ни в одном национальном районе Поволжья (с. 26 — 39), что явилось одной из причин обострения социальных противо-

речий, приведших к массовым народным движениям XVII в. (с. 39 — 46).

Последующие очерки — III — XV и в определенной мере XVI и XVII посвящены рассмотрению административного деления, управления мордовским краем в XVIII в. (с. 47 — 68), характеристике социального и национального состава населения (с. 47 — 59), состояния сельскохозяйственного производства (с. 108 — 129), неземледельческих промыслов (с. 95 — 108), развития хозяйств помещиков и их крепостных (с. 129 — 136), положения помещичьих крестьян (с. 136 — 155). В двух очерках освещаются хозяйственные занятия и повинности дворцовых крестьян (с. 155 — 200). Немало места отведено анализу хозяйства государственных крестьян и их положения (с. 200 — 230), монастырской деревне (с. 230 — 237), выявлению причин обострения социальных противоречий в XVIII в. и характеристике народных движений (с. 237 — 251). Вопросы развития материальной и духовной культуры (с. 251 — 284) в значительной степени освещаются на материалах XVIII в.

В этих очерках автор, опираясь на многочисленные архивные источники, впервые глубоко и всесторонне сумел осветить важнейшие социально-экономические, социально-политические и этнокультурные процессы в мордовском крае в XVIII в. Очень подробно и аргументированно Н. В. Заварюхин ведет речь об особенностях административного деления края в этот период, определившего национальный и социальный облик региона последующего времени (с. 58), характерных чертах устройства и управления краем, обусловленных как общероссийскими социально-политическими процессами, так и "пестрым национальным составом и особенностями социально-экономического развития данной территории" (с. 59). Материалы ландратских книг и ревизских сказок позволили сделать аргументированный вывод о росте численности русских и мордвы в мордовском крае и убыли татарского населения.

Автор глубоко и основательно изучил аграрные отношения и специфику укрепления феодальной собственности на землю на территории Мордовии XVIII в. Используемые им многочисленные факты позволили сделать важные выводы о том, что, несмотря на тяжесть феодально-крепостнического порядка, усиление национально-колониального гнета, в "мордовском регионе" продолжалось поступательное развитие сельскохозяйственного производства и крестьянских промыслов; получили заметный размах такие отрасли промышленности, как винокурение, поташное производство, металлургия и легкая промышленность; наблюдалось ускорение товарного производства и обмена, втягивание края в систему всероссийского рынка. Одновременно усилилась имущественная дифференциация среди крестьян, расширялся рынок рабочей силы, происходило частичное перераспределение земли в различных социальных группах. Создание дворянско-чиновничьей империи привело, по справедливому мнению автора, к ужесточению внеэкономического принуждения со стороны как частных владельцев, так и государственных органов и учреждений, что вызвало обострение социальных противоречий, выливавшихся в крестьянские войны. Используемый автором сравнительно-исторический анализ различных видов источников дал возможность проследить тенденции развития многоотраслевого хозяйства мордвы и разнообразные стороны ее духовной культуры, сопоставить с жизнью русских и татарских крестьян. Убедительно звучит тезис о взаимовлиянии культур народов, населявших мордовский край в период феодализма, и его значения для последующих поколений.

Книга Н. В. Заварюхина завершается глубоко обоснованными выводами, данными в заключение. При подведении итогов исследования автор делает аргументированный акцент на специфику исторического развития Мордовии на протяжении восьми столетий, сложность и противоречивость проис-

ходящих событий и процессов. Словарь устаревших слов, дакий в самом конце книги, таблицы, помещенные в основном тексте, значительно углубляют содержание рассматриваемых вопросов.

Монография Н. В. Заварюхина представляет собой оригинальное научное исследование и вносит крупный вклад в изучение истории и культуры народов не только Мордовии, но и России в целом.

А. Г. ИВАНОВ, кандидат исторических наук

РЕЙМЕРС Н. Ф. НАДЕЖДЫ НА ВЫЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ. — М.: ИЦ "РОССИЯ МОЛОДАЯ" — ЭКОЛОГИЯ, 1992. — 367 с.

Николай Федорович Реймерс — ученый-эколог с мировым именем, выдающийся специалист, удачно сочетавший работу в фундаментальных и прикладных областях экологии, природопользования и охраны среды жизни. Его в равной степени считают биологом, географом, экономистом, но в большей мере его талант раскрылся в области теоретической и социальной экологии. Он признанный лидер общественного экологического движения и авторитетный эксперт государственной природоохранной системы. Он был членом Высшего экологического совета России, членом научно-технического совета Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов Российской Федерации.

Н. Ф. Реймерс — один из организаторов российской экологической газеты "Зеленый мир" и Международного независимого эколого-политологического университета, первым деканом экологического факультета которого он был. Кафедра теоретической экологии этого вуза названа его именем. Он стоял у истоков зарождения Экологического союза СССР (1988 г.), а затем Российского экологического союза (1990 г.), был их первым президентом.

Работы по экологии человека и социально-экономическим проблемам охраны окружающей среды принесли

ему широкую известность, многократно издавались и переиздаются на различных языках мира. Представляемая книга "Надежды на выживание человечества: Концептуальная экология" также запланирована к переизданию в переводе на европейские языки (английский, немецкий, французский, испанский)

Всего за годы научной деятельности Н. Ф. Реймерс опубликовал свыше 300 научных трудов — книг, научных статей, среди которых наиболее известны "Природопользование: Словарь-справочник" (М.: Мысль, 1990), "Популярный биологический словарь" (М.: Наука, 1991), "Охрана природы и окружающей человека среды: Словарь-справочник" (М.: Просвещение, 1992).

Монография была подготовлена к Бразильской конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.). В качестве приложения она содержит актуальнейшие разработки автора: "Общие принципы экополитики", "Методология научной (эколого-социально-экономической) экспертизы проектов и хозяйственных начинаний (общие принципы)" и "Экологический манифест"

В первой главе автор отвечает на очень актуальный вопрос — что такое экология. Здесь четко очерчен объект и предмет, цели и практическая целе-

направленность науки. Ее самостоятельность и главные отличия от биологии и географии. Умело размотанный клубок истории экологической мысли, ученый вводит читателя в экологическое знание, рассказывая, как экология из строго биологической науки превратилась в значительный цикл знаний, вобрав в себя разделы географии, геологии, химии, физики, социологии, теории культуры, экономики, даже теологии — по сути дела, всех известных научных дисциплин.

Современную экологию Н. Ф. Реймерс определяет как цикл знаний о выживании человечества. В главе дана густо разветвленная (50 ветвей) структура современной экологии и подробная рубрикация экологического цикла знаний, которым, вероятно, суждено остаться классическими. Здесь же ученый делится своими переживаниями за судьбу "большой" экологической науки, которая "еще переживает младенческий период и только становится на ноги", не имея фундаментальных теоретических основ, призывает преследовать ее от профанаций, рассматривает дальнейшие пути развития молодой самостоятельной отрасли науки.

Вторая глава написана как продолжение учения о биосфере. Это необходимо в связи с тем, что современные антропогенные воздействия направлены одновременно на всю иерархию экосистем планеты — от элементарных биогеоценозов до глобальной биосферы. Для более подробного рассмотрения Н. Ф. Реймерс разделяет биосферу на подсферы, надсферы, вводит иерархию экосистем биосферы, тем самым намечая штрихи будущих исследований этого вселенского образования.

Третья глава полностью посвящена теоремам экологии (их более 250) — основополагающим законам природы и общества в их взаимосвязи. Это еще одно из доказательств того, что жизнь намного сложнее физических, химических и других явлений и несводима к ним. Вероятно, такое большое количество закономерностей (гипотез, правил, принципов и т. п.) невозмож-

но ни разом запомнить, ни учесть в практической деятельности. Но в теоретической науке нет ничего лишнего, а существует только верное и неверное.

В четвертой главе освещается проблема природы и экономики, дается подробнейшая классификация природных ресурсов по естественно-типологическому и хозяйственному принципам, намечаются первые экономические шаги в современной охране природы.

В пятой главе рассматриваются пути и методы поддержания экологического баланса на планете. При этом приоритет отдается экологической оптимизации как интегральной программе создания предпосылок для функционального и территориального механизмов поддержания экологического равновесия.

В шестой главе приведены общие черты современного экологического кризиса и указаны направления экологизации в отраслях человеческой практики как магистральные пути в будущее.

Седьмая, последняя глава этой оригинальной и актуальной книги посвящена современным проблемам экологии человека и социальной экологии. Главное внимание сконцентрировано на экологическом подходе к системе потребностей человека. Убедительно подтверждаются основополагающие тезисы о том, что человек оказывает влияние на окружающую его среду в результате удовлетворения своих потребностей; потребности человека — это система его требований к окружающей среде; образ жизни человека — способ удовлетворения потребностей в рамках существующих природных и социальных ограничений. Следовательно, качество жизни — это мера взаимодействия между средой и ее использованием, легкостью или затрудненностью удовлетворения человеческих потребностей.

Таким образом, представленная монография охватывает огромную сферу экологии, изучающую все структуры планеты, где существует жизнь. Книга

предназначена для широкого круга читателей, интересующихся экологическими проблемами. Она может быть

полезна для студентов географических, биологических, экономических факультетов.

А. В. КАВЕРИН, кандидат географических наук

⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗ ⊗

ВВЕДЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛЬНУЮ ГЕОГРАФИЮ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ / М. М. ГОЛУВЧИК, Э. Л. ФАЙБУСОВИЧ, Н. Н. ЛОГИНОВА, В. П. КОВШОВ; НАУЧ. РЕД. Ю. Д. ДМИТРИЕНСКИЙ. — САРАНСК: ИЗД-ВО МОРДОВ. УН-ТА, 1993. — 224 С.

ХРЕСТОМАТИЯ ПО КУРСУ "ВВЕДЕНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛЬНУЮ ГЕОГРАФИЮ" / СОСТ.: М. М. ГОЛУВЧИК, Э. Л. ФАЙБУСОВИЧ. — САРАНСК: ИЗД-ВО МОРДОВ. УН-ТА, 1993. — 248 С.

Стало уже обыденным говорить, что научная географическая литература сейчас пребывает в затянувшейся паузе. Кажется, до нее ды, когда страна и общество переживают кризис. Однако у нас многое происходит вопреки, а не благодаря. Именно поэтому среди значимых фактов 1993 г. хочется отметить выход этого необычного учебного издания.

Что дает основания так утверждать? Прежде всего надо сказать, что пособие написано учеными разных поколений и научных пристрастий, которым удалось создать вполне профессиональный квартет. Главная же особенность издания не в том, что это "Введение в экономическую и социальную географию", а в том, что это учебное пособие и хрестоматия по курсу "Введение в экономическую и социальную географию". При этом жанр осознается авторами как серьезная научно-методическая задача.

Чтобы обозначить и оценить содержание рецензируемых книг, нужна большая статья. Поэтому приходится говорить очень кратко.

Учебное пособие посвящено основам экономической и социальной географии. Первостепенное внимание в нем обращается на методологические основы науки, чему посвящена начальная глава. Постыжение целого ряда сложных и новых понятий удачно осуще-

ствляется в логической связи со школьным курсом.

Для того чтобы уяснить, как сформировалась экономическая и социальная география в качестве самостоятельной науки, как "выросли" ее важнейшие методологические положения и определились задачи, необходимо хотя бы в основных чертах представлять этапы ее становления и развития. Именно об этом идет речь во второй главе.

В последующих главах рассматриваются основы теории экономико-географического положения, изучения природных условий и ресурсов, населения земного шара. Отдельные главы посвящены экономико-географическому анализу размещения производительных сил, где раскрываются основополагающие понятия: территориальное разделение труда, территориальная структура хозяйства, экономический район, территориально-производственный комплекс и другие. Специально характеризуются сущность и особенности социальной географии, политической географии — актуальных научных направлений.

Особо хочется выделить заключительный раздел, который можно назвать тестовым.

Хрестоматия (состоящая из фрагментов научных трудов отечественных ученых) хорошо отражает основные понятия, закономерности, актуальные

проблемы и важнейшие направления развития экономической и социальной географии, ее научно-практическое значение. Обращают на себя внимание краткие биографические справки и перечни основных научных трудов ученых, отрывки из работ которых приведены в хрестоматии.

Пособие и хрестоматия постепенно вводят начинающего географа в огромный профессиональный мир. Плавному движению по их страницам способствует лаконичность и умелая дистилляция многих смысловых положений, отсутствие излишней проработки частных материалов.

Однако подготовленный читатель может обнаружить следы идеологической инерции, классовой условности, то есть почувствовать груз исторического периода в развитии общественной

географии. Спорной, к примеру, кажется трактовка в одной из глав известного библейского сюжета. Вместе с тем отсутствие в пособии и хрестоматии старых мифологем и заметное стремление авторов к новым ориентирам вполне отражают реалии сегодняшнего и завтрашнего дня.

В целом надо сказать, что работа выполнена профессионально. Связка пособия и хрестоматии — в известном смысле творческое изобретение. Другой вопрос — масштабы общей научной новации издания. Здесь, пожалуй, можно утверждать, что авторы не стремились создать кавон, но сумели обобщить обширный теоретический материал, придать географии новые творческие импульсы.

Обе книги, несомненно, вызовут интерес и среди учителей.

В. Д. СУХОРУКОВ, кандидат географических наук

ВЕСТНИК МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

НОВЫЕ КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Справочник фермера Мордовии / Сост.: Е. Г. Коваленко, Л. И. Зинина, А. П. Еряшев и др.; Отв. ред. Е. Г. Коваленко. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1994. — 144 с.

Справочник содержит методические рекомендации по организации и развитию фермерских хозяйств республики, научные основы ведения земледелия и животноводства, необходимые нормативные и справочные материалы по технико-экономическому обоснованию развития фермерских хозяйств.

Фермеры, работники сельского хозяйства найдут в книге много ценных сведений о системе севооборотов, методах и приемах обработки почвы, организации уборки сельскохозяйственных культур и много другого полезного материала. Кроме того, справочник рекомендуется в качестве учебного пособия для студентов сельскохозяйственных факультетов.